

АНАТОЛИЙ МУЗИС

РАССКАЗЫ ГЕОЛОГА

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Анатолий Музис

**Рассказы геолога.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Музис А.

Рассказы геолога. Повести и рассказы / А. Музис —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969566-6

В сборнике собраны рассказы и повести о быте, работе и приключениях геологов в Заполярной Якутии на Колыме и в Забайкалье. В книге много фотографий из коллекций автора и его коллег.

ISBN 978-5-44-969566-6

© Музис А.
© Издательские решения

Содержание

КОЛЫМСКИЕ ПОВЕСТИ (трилогия)	6
ВПЕРЕД! СЛАВЯНЕ!	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	35
СЕРДОЛИКОВАЯ СТОЯНКА	55
Глава 1	55
Глава 2	68
В КОГО МЕТИТ ПУЛЯ	79
Глава 1	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Рассказы геолога

Повести и рассказы

Анатолий Музис

Геолог, редактор Виктор Музис

© Анатолий Музис, 2019

ISBN 978-5-4496-9566-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Rider

КОЛЫМСКИЕ ПОВЕСТИ (трилогия)

ВПЕРЕД! СЛАВЯНЕ!

Глава 1

Нюкжин стоял на берегу Ясачной и заворожено смотрел, как под ногами шевелилось, кряхтело, с шорохом терлось о землю белое шершавое чудовище, похожее на гигантскую змею. Оно настырно ползло вверх по реке, что уже само по себе казалось противоестественным.

Ледоход

Весна на северных широтах еще не набрала силу. Вокруг Зырянки лежал снег, а с гор порывами налетал по-зимнему холодный ветер. Но солнце грело. Речной лед четыре дня назад стал серым, ноздреватым. Позавчера появились трещины и полыньи. А сегодня грязно-серое поле вдруг пришло в движение и медленно двинулось вниз по Колыме, раскалываясь на отдельные льдины.

Но у Средне-Колымска лед еще не тронулся. Он, как плотина, поднимал уровень воды, загоняя ее в притоки. И вот, Нюкжин стоит и смотрит, как льдины на Ясачной движутся вспять! Да, да! В самом прямом смысле – против течения!

Нюкжин тревожно поглядывал на отметки водомера. До бровки террасы оставалось не более полутора метров. Жуткое белое крошево шевелилось под ногами, как живое существо.

«Плохо!.. – думал он. – Очень плохо! Еще чуть-чуть и зальет поселок. Тогда не улететь, а бурить на болотах можно только пока земля мерзлая...»

Однако вылететь Нюкжин не мог уже неделю. Буровой станок поступил без комплекта труб. Мастер в запое. И нет вертолета.

Хозяйственники разводили руками.

– Кто же знал?

Начальник экспедиции уклонялся.

– Трубы? Это дело хозяйственников.

Лишь Донилин обнадежил:

– Я достану!

Буровой мастер не объяснил, где и как он собирался достать злополучные трубы. Сказал только, что нужно «маленько погодить». И вот – пиковая ситуация! Зырянку со дня на день затопит. А труб нет. И Донилина нет. К слову сказать, нет и вертолета.

Нюкжин поежился и поднял молнию куртки на цигейковой подкладке. Посмотрел туда, за Ясачную. Хребет Черского сахарной грядой выделялся на горизонте в прозрачном чистом весеннем воздухе. Он обнадеживал: не горюй, болота отойдут не так скоро...

Кто-то тронул Нюкжина за локоть.

– Иван Васильевич! Вас начальник ищет!

Нюкжин обернулся. Перед ним стоял молоденький шофер с экспедиционной базы.

– Где он?

– Там, в «Юбилейный» зашел.

Продуктовый магазин «Юбилейный» располагался на площади между берегом Ясачной и поселковым клубом «Новатор», украшенном тяжелыми колоннами. Площадь не имела твердого покрытия. В дожди здесь блестели здоровенные лужи, в сушь ветер гнал тучи пыли. Но сейчас она выглядела чисто, солнечно, празднично.

«Если Сер-Сер зашел в „Юбилейный“, то ничего срочного», – невесело думал Нюкжин, пересекая солнечный прямоугольник площади.

Встретаться с Фокиным ему не хотелось. Тот опять будет уклоняться от прямых вопросов, выказывая показное сочувствие. «Сер-Сер» для Нюкжина означало не только удобное сокращение имени-отчества бывшего однокурсника. Оно противостояло внешне показной внушительной наружности, как бы говоря: «серый ты, серый». Так он называл Фокина, когда тот еще ходил в начальниках партии, хотя геологом слыл средним. Когда же Фокин вдруг стал начальником экспедиции, наверху виднее кого назначать, заглазное прозвище закрепилось за ним прочно и стало всеобщим.

Фокин дожидался их в машине, юрком «ГАЗ-67» по прозвищу «козел». Он спокойно смотрел, как Нюкжин приближается к машине, не проявляя признаков нетерпения. Лишь, когда сели, сказал шоферу:

– На базу!

Разговаривать с рабочими и младшими геологами лаконично, подчас строго, Фокина вынуждала полевая обстановка. Вырываясь «на природу» некоторые забывали, что они все же на работе. Но, что говорить, склонностью к администрированию он грешил. Только с начальниками геологических подразделений Фокин обращался ПО-СВОЙСКИ: мол, мы все из одной кучи! И сейчас, лишь машина взяла с места, Сер-Сер повернулся к Нюкжину и доверительно, как лучшему другу, сообщил:

– Через два часа будет борт. Попутный. Райкомовцы летят. Донилин достал трубы. Уже грузит на машину.

Где и как достал злополучные трубы буровой мастер, Фокин не объяснил. И не надо! Важно, что достал!

В груди Нюкжина разом возникло напряжение, толкнулось в сердце, заставило биться учащенно. Взгляд стал сосредоточенным. Оцепенение ожидания сгнуло, мысль работала с опережением.

– Но Долинину нужен помощник...

Да, они оба видели, как самолет, на котором летел помощник бурмастера, уже висел над ледовым аэродромом Зырянки, но его «завернули» и он ушел обратно в Якутск. А казалось, ничего не изменилось. Накануне самолет садился на точно такой же лед. Но порядок в авиации жесткий. Если авиационная инспекция закрыла аэродром, то и не помышляй! Самим следовало поторопиться. А теперь, что делать?

– Скажешь Кочемасову, что он на месяц командирован в твой отряд.

Нюкжин в волнении потер указательным пальцем подбородок.

– А он согласится?

– Согласится! – уверенно сказал Сер-Сер. – Что ты, Кочемасова не знаешь?

Моторист экспедиции Иннокентий Кочемасов находился в Средне-Колымске. С вездеходчиком Виталием Мериповым они готовили зимовавшую там машину к выезду. Передавая его на месяц в отряд, Фокин по сути делал Нюкжину подарок.

Кочемасов действительно славился покладистым характером. Ни от какой работы не отказывался, распоряжения начальника не обсуждал. И работал отменно. Так что пока все складывалось как нельзя лучше: и вертолет, и буровой комплект, и Кочемасов...

И Нюкжин подумал, что у Сер-Сера все-таки есть талант руководителя. При случае, он мог организовать работу оперативно и толково.

– Так что получишь карабин, рацию и на лесной аэродром, – словно издалека доносились до него наставления Фокина.

Они заехали на базу, потом в контору, потом на склад и, наконец, выехали за поселок.

«Лесной аэродром» представлял собой широкую просеку, которой пользовались, когда площадка на ледяном поле выходила из строя, а песчаные косы заливала вода. Со временем предполагалось построить здесь стационарную бетонированную полосу, способную принимать самолеты типа «ИЛ-14». Но пока отсюда взлетали только вертолеты и маленькие «АН-2», да и то, если земля сухая.

Когда они подъехали, грузовая машина уже стояла у кромки леса, поодаль от вертолета. Донилин сидел в кабине шофера и курил. Выглядел буровой мастер довольно помято. Рыжеватые вихры всклокочены, лицо, даже сквозь заросль ржавой щетины, казалось одутловатым.

Увидев начальство, он вылез и отрапортовал:

– Имущество загружено!

От него разило винным перегаром.

– Ты бы, Адамыч, побрился, – морщась сказал Фокин. – И не дыши в лицо. С тобой без закуски говорить невозможно.

Донилин замялся, загасил сигарету и полез в зелено-красный салон вертолета.

– По сути, выгнать его надо. Только с кем работать будешь?

Но Нюкжин отметил, что, несмотря на непрезентабельный вид, Донилин малый расторопный.

«Но главное, что – трудяга! – думал Нюкжин. – И вот, выручил!»

– Райкомовцев еще нет. – сказал Сер-Сер.

Экипаж вертолета поглядывал нетерпеливо. Пилоты везде одинаковы. Их можно ждать неделями, но они ждать не любят.

МИ-4

А Нюкжина не оставляло ощущение, что происходит нечто нереальное.

– Значит, Степан все-таки достал комплект?! – машинально сказал он.

– Да! Адамыч молодец! А, кстати, знаешь как Донилин стал «Адамычем»?.. Похоже на анекдот. Мать родила его не в замужестве. Говорят, когда регистрировали Степана, фамилию она назвала, свою. Имя дала. А на вопрос: – «Отчество»? – ответила, – «Все мы от Адама!» «Так и записать?» – спросили в ЗАГСе. – «Так и запишите!». Вот и стал Степан «Адамычем». Не любит, правда, когда его величают по отчеству...

Нюкжин слушал в пол уха. Сер-Серу хорошо рассказывать анекдоты. Его заботы через полчаса кончаются. А у него они все впереди. Донилин достал комплект. Наверняка не новый, из списанных в прошлом году. Хорошо, если посмотрел, что берет. Хоть и для себя, ему бурить, так ведь «не просыхал» целую неделю... Вездеход в Средне-Колымске простоял зиму без ремонта. Вездеходчик новый, на Колыме впервые. Наладит ли машину? И запчастей нет... Кочемасов – моторист! Месяц ходить в помощниках бурмастера? Понравится ли, хоть и покладистый?.. Задача начальства вытолкнуть нас в «поле», а там как знаешь...

Он вылез из машины и заглянул в салон вертолета. Из под груды походного имущества выглядывал ящик с комплектом труб.

– Не попадем мы с ним «под монастырь»?

– Не... Мне дружок задолжал. Вот я и взыскал.

Мелкое бурение в Зырянке вели и другие организации: на воду, на мерзлоту, на грунты под строительство. Осенью отслуживший инструмент списывали. Но «отслужил» не означало «не годен». И бурмастер списанный комплект «придерживал». Именно бурмастер, а не хозяйственник. Потому что хозяйственнику нужен акт на списание. А буровик думает как бы не остаться без инструмента. И получалось, что самый бесхозяйственный человек в экспедиции – хозяйственник. А Донилин «взыскал» и что ему скажешь, кроме как – спасибо!

Подъехала райкомовская машина. Вышли двое. Мужчины. Одеты просто. С Сер-Сером поздоровались, вернее Сер-Сер поздоровался с ними, а они ответили. На Нюкжина не взглянули.

Один спросил пилота:

– Готовы?

– Готовы! – ответил пилот.

– Тогда полетели!

И полез в салон. За ним – второй. Лица озабоченные.

«Паводок! – подумал Нюкжин. – А в Среднем, поди, ушами хлопают. Вот они и летят».

– Желаю... – сказал Сер-Сер и пожал руку.

Борт-механик захлопнул дверцу, закрепил предохранители. Нюкжин осмотрелся. Райкомовцы сидели в передней части салона около летной кабины. Донилин устроился на кошме поверх имущества с явным намерением вздремнуть.

Нюкжин занял место возле иллюминатора у дверцы. Он разглядел грузовую машину и «козла» на краю взлетной полосы, фигурки Сер-Сера и шоферов. Многолетний опыт научил: уезжать раньше, чем вертолет поднялся в воздух, значит обречь себя на повторную езду. Вылет могли отменить или задержать.

«А отсюда видно даже лучше, чем с передних мест» – с удовлетворением отметил он.

Набирая скорость, начали вращаться лопасти. Вертолет подрагивал, примеривался к грузу, затем мягко покотился, оторвался от земли и помчался прямо на вершины деревьев, словно собирался сбить макушки. Но, не долетая до них, резко взмыл вверх. Деревья нырнули ему под брюхо и взору Нюкжина открылась Колыма. Длинная белая полоса дробленого льда чуть-чуть шевелилась. Чернели полыньи, иногда значительные. Местами льдины громоздились одна на другую. Кое-где на поверхности льда виднелись то дерево с вывороченным корнем... то разбитый бочонок... то кучка мусора...

Гул мотора стал ровным, методичным. Вертолет набрал высоту триста метров и лег на курс. Он летел на север, придерживаясь долины Колымы, и перед Нюкжиным развер-

тивалась любопытная картина, подобная эффекту обратной киносъемки. У Зырянки он наблюдал плывущие льдины, черные полыньи – одним словом, ледоход. Ниже по Колыме льдины сплывались, образуя разбитое трещинами ледяное поле... Вот и трещины уже выклинились и под вертолетом еще не тронувшаяся Колыма – сплошной серый лед!

– Успели! – думал Нюкжин. – И от паводка убежали, и Средне-Колымск принимает».

Справа к Колыме подступил скалистый обрывистый берег. От него круто поднимались округлые заснеженные вершины Юкагирского плоскогорья. Береговые обрывы отделяли их от Колымы черным бордюром.

Он переместился к левому иллюминатору. Сквозь желтоватое стекло от Колымы и до самого горизонта простиралась белая, слабо всхолмленная равнина.

– Наша вотчина! – подумал он. – Что-то будет, когда растает?!

Ровно гудел мотор. Донилин спал на груди снаряжения. Мысли Нюкжина шли вразброд. Еще вчера Сер-Сер не хотел говорить с ним. Потому что не мог предусмотреть, когда вскроется Колыма, освободится ли вертолет, достанет или не достанет Донилин буровой комплект. А сегодня вылет решился в одночасье.

Экспромтом!.. Великая сила – экспромт! Но такое повторяется каждый год, каждый полевой сезон. И, ничего, срabатывает.

Колыма отклонилась вправо, изгибаясь большой излучиной. Срезая ее, вертолет пересекал район предстоящего маршрута. И Нюкжин забыл о Сер-Сере... Белая равнина. «Блюдечки» озер подо льдом – круглые, беленькие, плоские. Местами черные проплешины бугров, на них разреженная щетка низкорослых лиственниц. Видны и заросли кустарников, занесенные снегом. Кое-где даже краснеет прошлогодняя листва карликовой березки. А в общем, снежный покров не так велик, как показалось издали. Продержится недолго. Но и воды будет немного.

Вертолет делал круг. Проплыли под иллюминатором серые, разбросанные вдоль берега реки домики Средне-Колымска. В поле зрения опять вошла Колыма. Серый ноздреватый лед выглядел достаточно прочным.

Не успели остановиться лопасти, как подкатили две машины – «Козел» для райкомовцев и грузовая для перевозки имущества отряда.

Райкомовцы тут же уехали, а вертолетчики заторопили как обычно:

– Выгружайтесь! Скорее! Аэропорт закрывается!

Едва они перегрузили свои вещи на машину, как вертолет снова загудел, закрутились лопасти. Через минуту он взлетел прямо с места и взял курс обратно на Зырянку.

И наступила тишина. Такая потрясающая, что показалось: они переместились из одной эпохи в другую. А вертолет, совершивший чудо, уменьшался, превращался в точку над горизонтом.

«Адский агрегат!» – не без восхищения окрестил его Нюкжин.

Аэропортовский грузовик вывез их на низкую террасу, к дощатой будке на бревенчатых полозьях. Из железной трубы вился дымок, возвещая, что там тепло. Вокруг вразброс лежали ящики, бочонки, грузы, прикрытые брезентом.

Имущество отряда образовало еще одну такую кучу. Точнее – кучку! Это в вертолете казалось, что вещей много. И все же: буровой станок, два мотора к нему, комплект труб, бочка бензина, спальные мешки, палатки, кошмы, кухонная утварь. Продукты. Не многовато ли на один вездеход?

Донилин в пути немного отдохнул и выглядел свежее. Только рыжая щетина по-прежнему совершенно непотребная и глаза тревожно печальные.

– Наши, наверное, не догадаются, что мы прилетели, – сказал Нюкжин.

– Конечно! – подхватился Донилин. – Я сбегая. Быстро. Адресок только... Нюкжин объяснил ему, где искать вездеход.

– Пусть едут со всеми вещами, – сказал он уже в вдогонку. – Если готовы, то сегодня же и отправимся.

Донилин исчез и только тогда Нюкжин спохватился, что отпускать Степана по крайней мере неосторожно. Но пойти самому к месту стоянки вездехода он не мог. Среди вещей лежали оружие, рация, железный ящик с картами и аэроснимками. Их нельзя оставлять без присмотра. Нет, он, конечно, доверял Донилину. Тот работал не первый сезон, а нечестные люди в экспедиции не задерживались. Но как поручиться, что Донилин не отвернет куда-нибудь за опохмелкой? Все правильно, идти самому нельзя. Тем не менее...

Нюкжин вошел в теплую, прокуренную дежурку. За простым деревянным столом сидели два старика. Один в изношенном свитере, видимо сторож, второй, его гость, в телогрейке. На столе стояла пустая бутылка. Увидев летную куртку, тот, который сторож, немного подумал, затем протянул руку и поставил бутылку на пол за собой.

Нюкжин поздоровался и спросил:

– Можно подождать здесь? Вездеход должен подойти!

– Кочемасовский?

То, что экспедиционный вездеход называют «кочемасовским», не удивило. Кочемасов родился в Средне-Колымске. В паспорте его значилось «русский». Однако скуластое лицо и по азиатски черные глаза свидетельствовали, что в его жилах течет и якутская кровь, причем немалая. Поэтому у Кочемасова по всей округе, и, конечно же, в Средне-Колымске, водились друзья и родственники, как среди русских, так и среди якутов. У одного из них и зимовал вездеход.

И Нюкжин подтвердил:

– Кочемасовский!

– Ну, конечно, подождите... – миролюбиво согласился хозяин. – Вон там стул есть.

Нюкжин присел на предложенный ему стул, но через минуту встал, снял куртку. Жарко! Краем уха он прислушивался к беседе за столом.

– И что же ты имеешь? – допытывался гость.

– Ставка. Северные сто процентов. Столько же за стаж. Ну, и подворовываю маленько.

Он говорил ничуть не смущаясь Нюкжина.

– И что же, не замечают?

– А если и замечают? Я ж по малости. Когда бутылку, когда банку. Они ж и так мне полагаются...

«Полагаются» означало, что портовое начальство само периодически «подбрасывало» сторожам и грузчикам то одно, то другое, чтобы удержать их на месте. На Колыме и «бич» считался работником.

– Как думаете, – спросил Нюкжин, – Колыма скоро вскроется?

– Однако, не завтра, так послезавтра, – сказал хозяин. – У нас весна какая? Зима, а за ней сразу лето.

– Но снега еще достаточно. С вертолета хорошо видно.

– Снега много, – подтвердил хозяин. – Но сбывает. Еще день-два и не выедете отсюда.

– Что так? – обеспокоился Нюкжин.

– Вода по логам пойдет. Обьезжать придется. Вы куда путь-то держите?

– В сторону Седедемы, на Дьяску.

– Туда дороги нет.

– Мы напрямую.

– Ну-ну!

– Сейчас-то они еще пройдут, – вступился гость. – Земля мерзлая.

– Сейчас, пожалуй! – согласился хозяин. – Если не мешкать.

– Мы с работой. Бурить будем.

– О-о! – протянул хозяин, словно Нюкжин собирался пешком на Северный полюс.

Разговор расстроил Нюкжина. Что говорить! Они опоздали с выездом! А тут еще ни вездехода, ни Донилина. Посмотрел на часы. Незаметно, незаметно, а уже полтора часа. Лучше бы самому... Но тут же вспомнил о бутылке на столе. Нет, и оставлять Донилина тоже нельзя. Ну, будь, что будет! Одно слово – экспромт!

– Жарко у Вас тут, однако, – сказал он. – Пойду, прогуляюсь.

После прокуренной дежурки, на улице показалось невероятно как хорошо. И ... что это? По дороге, что вела логом, грохоча траками по мерзлой земле спускался вездеход.

Вездеход ГАЗ-47

«Наш?! Неужели наш? – подумал Нюкжин. – Теперь ему казалось, что прошло слишком мало времени. Или они не собрались? Так приехали? Вездеход лихо подкатил к дежурке и остановился, демонстрируя надежность тормозов. Распахнулись сразу обе дверцы: из одной вылез улыбающийся Кеша Кочемасов, из другой – серьезный Виталий Мерипов. – С прибытием! – Кеша долго и радостно тряс руку Нюкжину – Заждались мы тут.

Мерипов поздоровался сдержанно, руку протянул издалека, словно боялся, что начальник не примет ее. И еще Нюкжин отметил, что Мерипов начал отпускать бороду. Таежный форс, типичный для новичков.

– Донилин где? – спросил он.

– Наверху. У магазина. Мы его за хлебом оставили.

– За хлебом?

– Не беспокойтесь, Иван Васильевич! Я ему внушил.

– В Зырянке ему тоже «внушали».

– Да, – согласился Кеша. – Личико у него стало круглое... А Вы, Иван Васильевич, что-то наоборот, совсем с лица спали. Шапка да подбородок. Все трое рассмеялись. Подбородок у Нюкжина действительно был тяжелый, бульдожий. Но больше всего развеселило Нюкжина, как ловко ушел Кочемасов от обсуждения товарища.

– Загрузились? – спросил он.

– Три дня как загруженные. Вот-вот вода пойдет. Выбираться надо. Поскорее.

Ай, да, Кеша! Тут гадаешь, готов ли он? А, оказывается, вездеход уже три дня дожидается команды. И про воду знает. И беспокоит она его, не менее Нюкжина.

– Вам придется с нами поехать, – сказал он. – Сергей Сергеевич распорядился. Вы, как?

– Раз надо... – ответил Кочемасов. – Степану одному как же?

– Ну, ладно! – сказал Нюкжин, вполне довольный тем, как обернулось дело. – Загружаемся!

Загрузить вездеход так, что бы в пути груз не растрясло, надо время. А Колыма торопила. И Донилин торчал где-то у магазина. Поэтому по быстрому закатали бочку с бензином, на скорую руку закидали имущество. Кеша приветливо открыл дверцу.

- Садитесь! Я наверху.
- Нельзя наверху.
- Ничего! Милиционер мой дружок.
- По технике безопасности нельзя.

Кеша посмотрел на Нюкжина с недоумением.

- Какая техника? Вещи валом накидали. Железки. Там живому человеку не ехать.

Кочемасов говорил правду. Ехать в кузове вездехода пока что невозможно. «Пока!» А что изменится потом? Но надо соблюсти видимость порядка... В каждом начальнике было что-то «фокинское».

- Ну, ладно, до первого лагеря так доедем, а там обустроимся.

Нюкжин сел в кабину с удовольствием. Взглянул на Мерипова. Лицо не очень выразительное. Как говорится, без особых примет. Лоб... Нос... Борода... Но глаза смотрят внимательно. В отделе кадров успокоили: Мерипов – водитель-универсал. Окончил МАДИ. При знакомстве он оставил хорошее впечатление. «Хоть будет с кем поговорить», – подумал Нюкжин.

Они поехали. Машина шла уверенно, надежно. Теперь бы еще благополучно проехать мимо магазина.

Донилин сидел на перилах крыльца. У его ног лежал объемистый рюкзак с хлебом – в дорогу! Из карманов куртки-штормовки торчали две бутылки. Не дожидаясь приглашения, он быстро вскарабкался наверх и возвестил:

- Вперед, славяне!

Но Нюкжин не спешил. Он достал из полевой сумки карту.

- Кеша! Посмотрите!

Кочемасов нагнулся.

– Нам нужно сюда, – показал направление Нюкжин. – Вот тут, видите, на карте обозначен сарай.

- Знаю! – сказал Кеша. – Черный бугор. Летом косят там, на аласах.

- Хорошо бы до него сегодня...

- Доедем! Это рядом.

- Тогда садитесь в кабину. Покажете дорогу. – И протянул карту. – Возьмите.

- Я так найду, – отвел его руку Кеша.

Они поменялись местами. Нюкжин залез на вездеход, а Кочемасов сел в кабину водителя.

- Как вы там? – спросил он оттуда.

- Порядок! Трогайте!

Вездеход аккуратно взял с места и покатил по улицам Средне-Колымска, мимо потемневших от времени и непогоды деревянных приземистых домиков, спустился в лог, темный, а потому холодный, и пошел по нему, выбирая путь к верховью.

Нюкжин посмотрел на Донилина. Тот сидел вполне довольный жизнью, распахнув куртку настежь.

- Не холодно?

- Не... Мотор вон как пышет.

На базе они даже не поговорили толком. Степан где-то пропадал, «искал» трубы. Да и не до него было тогда. Днями торчал в конторе. Надоел Фокину, надоел хозяйственникам. Ходил на берег Ясачной... Теперь они рядом. Надолго!

Вентиляторы гнали горячий воздух так, что Донилину пришлось сесть боком, свесив ноги на закрылок гусеницы и Нюкжин искоса поглядывал: не свалился бы! Но Донилин сидел уверенно, будто не под ним качалась, дергалась, лязгала гусеницами удивительная железная машина по прозванию – вездеход. И тогда Нюкжин поверил: да, они едут! Самое трудное – организация работ – позади! Сейчас они вырвутся на простор и начнется маршрут.

И, словно получив приказ, вездеход вынырнул из лога на заснеженную равнину. Она сверкала, искрилась, ослепляла белизной и солнцем. И чистое синее небо над головой. Настроение у Нюкжина стало совсем по погоде. Он был уже устремлен к тому далекому пункту на реке Дьяске. Пройти и пробурить. И посмотреть. И подумать. Простая задача! Простое обследование местности. Что? Где? Как?.. Но если по делу, то не такое оно и простое. Из совокупности мелких фактов складывается грандиозная картина жизни на Земле. Ведь у Земли есть своя жизнь... Двигутся материки... Воздымаются горы... Низины заносятся рыхлыми наносами... Нет большей радости, чем радость познания.

А вездеход мчался вперед, лавируя между мелкими озерами. Они оставались по курсу то слева, то справа, небольшие, округлые, подо льдом и снегом. Иногда встречались озера крупные, овальные. Первое крупное серповидной формы озеро лежало как раз перед Черным бугром. Предстоял немалый объезд. Но вездеход вдруг, никуда не сворачивая, скатился по пологому берегу и выскочил на лед. Нюкжин только ахнул: что делают?! А вездеход уже мчался по ровному белому полю, вздымая холодную белую пыль. Нюкжин оглянулся: за машиной двумя рублеными полосками тянулся след гусениц. Лед держал.

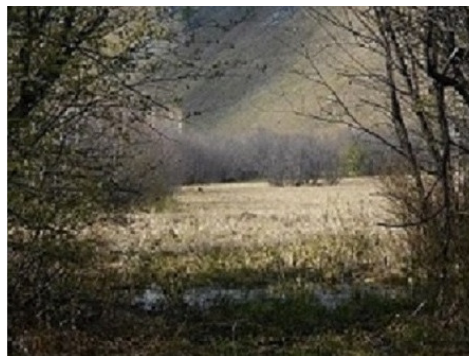
Дверца кабины приоткрылась и оттуда на ходу выглянул Кеша. Глаза озорные, улыбка до ушей! Увидев, что начальник не сердится, он снова скрылся в кабине.

«Да! – между тем, думал Нюкжин. – За ними нужен глаз да глаз».

Но езда по озеру доставляла удовольствие. Ехал бы так и ехал, ни о чем не задумываясь. Правда, беспокоили две бутылки в карманах Донилина, но, ничего, они последние.

Вездеход пересек озеро, подошел к берегу и повернул в поисках выезда. Черный торфянистый берег, рассеченный клиньями жильного льда, возвышался невысокой, отвесной стеной.

Торфяники обычно содержали обильное количество органических остатков: пыльцу растений, их ветки, листья, иногда шишки, по которым специалисты определяли климат былых эпох. Здесь следовало покопаться, но пока предстояло выехать с озера. Вездеход обогнул торфяник, за ним начинался пологий подъем на низкий берег, даже не подъем, так, чуть-чуть, и они снова на мерзлой земле Колымской равнины.

Алас

Торфяник представлял собой остатки значительно более крупного бугра пучения, кровля которого рухнула. Образовалась воронка, а в ней озеро. Когда такие озера пересыхали, открывались идеально ровные илистые площадки – «аласы», – где летом буйно поднималась высокая трава. На аласы рядом с Черным бугром приезжали из Средне-Колымска запасать корм для лошадей и коров. Молоко шло в школу-интернат и другие детские учреждения. Между аласами располагались суглинистые холмы и на самом широком из них, на возвышенной его части, стоял деревянный сарай. Осенью им пользовались косари, зимой – охотники.

Вездеход подкатил к сараю. На вершине холма снег сошел и земля сочилась капельными струйками воды. На Черном бугре размокший торф превратился в сажистую слякоть. На склонах и аласных западинах лежал снег. Для лагеря сухого места не было.

Нюкжин осмотрел сарай. Он походил то ли на неочищенную конюшню, то ли на брошенный общественный сортир. Осенью косари приведут его в порядок, но сейчас...

– Приехали... – усмехнулся Виталий.

– Ничто! – сказал Донилин. – Переживем!

– Для костра место найдем, а ночевать придется на вездеходе. – подвел итог Кеша.

– Я в кабине! – сразу застолбил себе место Виталий.

– Никто не претендует! – фыркнул Кеша.

Нюкжин понял его правильно: первое слово за начальником и нечего высовываться. Но ведь Виталий новичок. Городской! Оботрется!

Он заглянул в кузов вездехода.

– Однако, втроем здесь не уместимся...

– Я наверху... – сказал Донилин.

– Я тоже! – отозвался Кеша.

– А если дождь?

– Что Вы, Иван Васильевич?! Какой сейчас дождь?

Нюкжин спросил, конечно, из вежливости. Дождя не ожидалось. А если и дождь?! Накроются брезентом и хоть потоп.

– Пожалуй, так! – согласился он и распорядился: – Значит дело за ужином!

– Это мы вмиг! – оживился Донилин.

Он и Кеша быстро свалили стоявшую неподалеку сушину и минут через десять веселые желтые огни костра спорили с желто-оранжевыми отсветами предзакатного солнца. К очагу подтащили еще пару бревен. Сели... Тепло!.. Спокойно!..

Полевой таган

На землю ложились неотчетливые мягкие тени. В светлом сумраке деревья, сарай, вездеход смотрелись как силуэты. Поблескивал лед на озере. Розовела лужа, набежавшая поверх льда.

Сидеть у костра, подбрасывая в огонь сухие чурки, что может быть лучше? Виталий принес воды, подвесил над огнем казан и чайник.

– Что будем варить?

– Макароны, – сказал Кеша.

– Чудо-блюдо! – подтвердил Нюкжин. – Бух в котел и там сварился.

– С тушенкой?

– С тушенкой.

«А ведь утром я еще смотрел на ледоход в Зырянке», – с тихим удивлением подумал Нюкжин. Но предаваться воспоминаниям было еще рано. Донилин раскупоривал бутылки.

По сути Фокин переложил свои заботы на Нюкжина. Сам не смог ни остановить, ни наказать Донилина. Благо вертолет подвернулся вовремя. А что может сделать он, Нюкжин?

– Ох, Степан!.. Погубите Вы и себя, и меня.

– Не... – сказал Донилин. – Я не погибну. И никто, от одного стакана...

– Так ведь он сегодня не первый!

– Того уже нет. – Донилин разливал по кружкам. – Тот уже в прошлом.

Нюкжин решал сложную задачу. От того, как начнется сезон зависит и дисциплина в отряде, и взаимодействие, и, в конечном счете, работа. Но, попробуй, скажи Донилину: «Не пей!» Он и в Зырянке никого не слушал, а здесь тем более... Те, двое, в будке аэропорта, считали даже, что им «полагается»... Нет! В одиночку с Донилиным не справиться. Только отношения испортишь и работу осложнишь...

В кружках поблескивало, все смотрели на начальника.

Нюкжин решил. Традиционный тост.

– С первым маршрутом! – сказал он. – И за всех, кто в пути!

Выпили. Закусили макаронами, густо заправленными тушенкой. Выпили еще. Хмель пошел по телу, расслабил, развязал языки. После духоты и толчеи шумного города, выход на природу настраивал на минор. Нюкжин прослушал, как Виталий и Донилин заспорили:

– Что же хорошего? – спрашивал Виталий. – Шагу в сторону не сделай.

– А зачем тебе в сторону?

«Повеселевший» Донилин напирал грудью.

– А если мне нужно?! – упорствовал тоже захмелевший Виталий.

– Сел в лодку, гребь как все. А то враз перевернемся.

– А если я не хочу, как все?

– Тогда – вылезай! – вступил в разговор Кеша.

– Куда? В воду?

– А куда хочешь!

– О чем спор? – спросил Нюкжин.

– Воли ему мало! – сказал Кеша и добавил нечто по-донилински.

– Что?... Что Вы сказали? – переспросил Нюкжин нарочно, будто не понял.

Кеша удивленно раскрыл рот и согнулся пополам.

– Ха-ха-ха!.. Что я сказал?.. Ха-ха-ха!..

Но Донилин без всякого смущения повторил и даже добавил. Такая бесцеремонность покорила.

– Степан Адамович!

Нюкжин знал, что применяет запрещенный прием. Но надо же остановить Донилина. И вообще, маршрут начался и нельзя, чтобы каждый кто во что...

Донилин смотрел на него, как будто получил под дых.

– Так я, чтобы понятней... – наконец выговорил он, и угрюмо добавил: – И не надо меня... по отцу...

– Хорошо! – пошутил Нюкжин. – Вы не будете «по матери», а я не буду по отцу.

Но о Донилине недаром шла буйная молва. Он вздыбился.

– Что ты, начальник, мне все «Вы» да «Вы»? Я не девка красная!

Воспользовавшись внезапно возникшей перепалкой Виталий поднялся и пошел к сараю. Кеша проводил его долгим взглядом. А Нюкжин прикидывал, как лучше выйти из неприятного разговора. Он всегда обращался к сотрудникам отряда на «Вы», к рабочим – тем более. Но одно дело «тыкать» подчиненному, который стесняется или боится ответить тебе тем же, другое, когда тот напрашивается сам.

– Ну что ж! – сказал он. – Давай на «ты»!

И удовлетворенный Донилин достал третью бутылку.

Нюкжин с укоризной посмотрел на Кешу и тот, словно извиняясь, уточнил:

– Последняя...

– Последняя стояла перед этой, – сказал Нюкжин.

– Ну, Иван Васильевич... Надо же отметить...

Опять приходилось решать психологическую задачу: выпить – значит одобрить!

Отказаться? Разопьют без него. Прецедент на будущее. Проклятое зелье! Можно подумать, что без него ни шагу... И все-таки придется уступить.

– Хорошо! – сказал он. – Если она действительно последняя.

Донилин разлил по кружкам, оглянулся, где Мерипов?

Виталий вышел из сарая. В руке он держал небольшую квадратную доску.

– Посмотрите, я икону нашел!

Доска потемнела и прогнулась, а постный лик угодника закоптился настолько, что пришлось его протереть тряпицей, чтобы разглядеть хорошенько и его самого и витиеватую подпись: «Николай»!

– Зачем тебе? – спросил Степан. – Дурман же! Опиум для народа.

– Понимаешь ты! А может она древняя?

– И что?

Донилин не оценивал икону в рублях. Да и содержимое кружки привлекало его значительно сильнее.

Но Нюкжин помнил: в середине XVII века отряды казаков Михаила Стадухина и Семена Дежнева проникли с моря в устье Колымы и основали Нижне-Колымский острог. Оттуда Дежнев выходил морем в сторону Чукотки. А кто из них поднимался по Колыме? Может быть Ерило Зырян? Оторванные от Большой Земли, на веслах и под парусом, без карты, без страховки – только долг, икона и святая вера! И хотя икону в сарае вряд ли оставили те землепроходцы, уже то, что она воскрешала память о них, делало ее неприкосновенной. Брать икону не следовало! Однако, как объяснить Виталию?

– Положь на место... – глухо, но с угрозой сказал вдруг Кеша.

Он сидел почти не изменив позы. Разве, чуть пригнув голову, как зверь перед прыжком. Но от его ровного бесцветного голоса Нюкжину стало не по себе.

– Да ты что? – неуверенно запротестовал Виталий.

– Положь!

Темные глаза Кеши ничего хорошего не обещали, хотя голос оставался по-прежнему ровным и негромким.

«Убьет и не вздрогнет!» – подумал Нюкжин.

– Нужна она мне... – пробурчал Виталий и поплелся обратно к сараю.

– Не им кладено, не ему брать! – твердо сказал Кеша.

А Нюкжин подумал: «Ну и начало! Как дальше будем?»

И тут Донилин вдруг попросил:

– Кеш! Открой рот.

– Зачем?

– Трудно тебе?

Кеша доверчиво открыл рот. Донилин что-то долго рассматривал, потом сказал:

– А ты зубастый! Надо же!

Подошедший Виталий с недоумением смотрел, как они, все трое, заходились от смеха.

– Надо мной, что ли? – спросил он у Нюкжина.

– Нет! – ответил тот, будучи не в силах успокоиться. – Зубы у Кеши! Во рту!

Но Виталий ничего не понял. А может быть он подумал, что они «чокнулись» здесь, на заснеженной безлюдной равнине. В первый же день! Или перепились?

Вино действительно поначалу взбодрило их, но теперь «отпустило» и усталость минувшего дня навалилась вдвойне.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Нюкжин, постепенно успокаиваясь.

– Я тоже! – поднялся присевший было Виталий.

– А мы еще посидим маленько... Да, Кеша? – еще бы, Донилин не уйдет, пока все не выпито.

– Посидим, – неуверенно ответил Кочемасов.

Он, вероятно, подумал, что от начальника ему будет разнос. Но Нюкжин сказал миролюбиво:

– Я попросить Вас хочу. Не надо на Виталия. Человек он новый. Жил по другим правилам... Свара хуже водки. Если и дальше так, то маршрут не пройдем.

– Ясно, – хмуро согласился Кочемасов.

– И Степана надо придержать. Вам это лучше, чем мне. И, пожалуйста, пусть он побреется, конечно, если не отпускает бороду, как Виталий.

Кеша усмехнулся. Улыбнулся и Нюкжин.

– Тогда, спокойной ночи! У меня тоже что-то глаза смыкает.

– Спокойной ночи! – отозвался Кеша.

Нюкжину казалось, что он заснет не дойдя до вездехода. Веки смыкались сами собой. В темном кузове вещи лежали навалом. Наводить порядок? Нет, завтра! Только завтра! Нашел спальный мешок, кое-как выровнял место для ложа. Попахивало бензином...

Он заснул мгновенно, хотя и во сне кто-то не давал ему покоя: «Начальник!.. Начальник!..» – Что за сон? – Начальник! Кончай ночевать, «вставай» пришел!

Сначала Нюкжину показалось, что Донилин, как начал вчера шутить, так и не может остановиться. Но Донилин не шутил. И небо в проеме кузова светлое. Посмотрел на часы: семь утра!

– Что рано?

– Бурить надо! Место вчера не выбрали...

Нюкжин вылез, шурясь на яркий свет. В средней полосе России можно было подумать, что уже близится полдень.

Ба! Донилин ли перед ним? Ни ржавой щетины, ни мути в глазах. Стоит на ногах прочно, по-хозяйски.

– На торфянике... – сказал он, стараясь с ходу включиться в деловой разговор.

- Туда шланг не дотянем.
- Там же была вода!
- Была да сплыла! Ночью не тает.
- Тогда поближе к торфянику...

Нюкжин уже проснулся. У него, как и у Донилина, появилось предвкушение настоящей работы. Он подошел к Черному бугру и осмотрел его подножье.

- Сюда дотянем?
- Пожалуй, – сказал Донилин и крикнул Кочемасову: – Тащи!

Они поставили треногу, принесли моторы, лебедку, трубы. Стали монтировать станок.

В восемь предстояло выйти на связь с базой. Нюкжин установил рацию, натянул антенну – от сарая к вездеходу, – подсоединил блок питания.

Мерипов наблюдал за их действиями через открытую дверцу вездехода, но вылезать из спального мешка не торопился.

Нюкжин начал настраиваться на волну базы, но время еще не пришло и Прохоров молчал. А мир жил своей жизнью. Монотонный голос диктовал сводку погоды: цифры... цифры... цифры... С Колымы доносилась перебранка речников. Паводок повредил береговую обстановку и кто-то кому-то настойчиво вдалбливал, что повреждения необходимо исправить и побыстрее. А тот, кому «вдалбливали», тупо повторял: «А как я могу?» Виталий вылез из спального мешка и присел рядом. Интересно, все-таки живые голоса «оттуда»!

– Внимание! Внимание! – перекрыл всех голос Прохорова. – Здесь РСГТ. Вызываю РЗПС! Вызываю РЗПС! Как слышите, Иван Васильевич? Прием!

Прохоров беспокоился, как никак отряд без штатного радиста.

Нюкжин ответил, что слышит хорошо, сообщил свое местонахождение и что работу начали. Спросил, что есть для него?

– Вам ничего!

Обычное дело. Если подразделение работало нормально, начальство к нему ничего не имело.

Нюкжин попросил разрешения не выходить на связь дня три-четыре: они в дороге, каждую остановку разворачивать рацию – потеря времени. Да и не везде ее развернешь. Прохоров разрешил. Они попрощались. В эфире стало тихо. В экспедиции кроме них никто еще не работал.

Нюкжин вернулся к буровой. Моторчик гудел, колонковая труба медленно, но верно погружалась в грунт. Донилин словно колдовал над ней. Он двигался быстро, проворно, ни одного лишнего движения. Его чуть выпуклые зеленоватые глаза, как две фары зорко высвечивали и вращение штанги, и подачу воды.

Муфта достигла устья скважины и Степан крикнул:

– Выключай!

Кеша остановил мотор. Степан сноровисто нарастил новую штангу и вновь подал команду:

– Включай!

Кеша в этот момент смотрел на Нюкжина – как ему их работа? И промедлил.

– Давай! Давай! – нетерпеливо прикрикнул Степан. – Не в Академии наук!

Кеша включил мотор и спросил:

– А в Академии ты что, на печи лежал?

– Лежал на печи и ел калачи, – весело ответил Степан. – А вот чем нас здесь накормят?

И Нюкжин понял, Донилин поднял его не только из-за выбора места для бурения. Проблема заключалась в «котле»! Вчера все торопились. Первый костер! Первый ужин! Первый ночлег! Каждый стремился сделать хоть что-нибудь. А сегодня обычный трудовой день. Донилин и Кочемасов начали бурение, им не до кухни. Он занят на связи. Донилин вероятно предполагал, что начальник распорядится в отношении Мерипова. Но тот отошел к вездеходу.

«Готовить завтрак придется мне, – подумал Нюкжин. – И надо поторапливаться, потому что как закончится бурение, предстоит отбор керна».

Он уже собрался разжечь костер, но обнаружил, что дров нет. Их сожгли утром, когда Кеша со Степаном поднялись спозаранок готовить буровую.

– Виталий, – позвал он Мерипова. – Помогите распилить бревно.

Мерипов внимательно посмотрел на начальника, вникая, действительно ли без него не обойтись или это предлог принудить его к работе? Распилить бревно можно было только вдвоем и он взялся за пилу. Но когда отвалилась третья чурка, он сказал:

– В Прибайкалье я на трелевке леса работал. Обед нам привозили. Нюкжин взял топор.

– Вас там сколько было?

– Сотни полторы.

– Вот! А нас четверо.

- Я не к тому... Но ведь я не обязан. Я – вездеходчик!
- А кто обязан? У нас вездеходчики, бурильщики, начальники. А повара нет.
- Вижу, – сказал Виталий. – Давайте топор, я поколю...

Нюкжин разложил костер, поставил на огонь казан с водой, засыпал туда гречневой крупы, демонстрируя приличные навыки кашевара. Потом вскрыл две банки мясной тушенки и, в заключение, повесил над костром чайник.

Виталий принес еще две охапки дров, сбросил их у огня.

- А все-таки, – сказал он, – я откажусь, другой откажется. Тогда как?

Нюкжин засмеялся. Он в это время мыл грязную посуду.

- Пришлось бы готовить мне, вот как сейчас.

- А если бы и Вы не захотели?

- Я подчиняю свои желания интересам работы.

- Значит, так бы и готовили весь сезон?

- Нет, так тоже неправильно.

- А как же правильно?!

- Выдал бы каждому продукты и готовьте себе сами.

- Здорово! – сказал Виталий. – Я бы не додумался.

– Естественно! – согласился Нюкжин. – Подумать такое, значит поставить крест на работе.

Двоем они приготовили завтрак, быстро и не хуже вчерашнего ужина.

Затем они оба подошли к буровому станку. Нюкжину дали его на четыре недели исключительно потому, что на Колымской низменности он мог начать работу раньше, чем другие партии в горах.

Опускали последнюю трубу. Кеша выполнял указания молча, видимо понимая, что они действительно не в академии. Кеша было взглянул на начальника, но Донилин тут же сердито рыкнул:

- Не зыркай! Упустим!

Донилин закреплял штангу, Кеша придерживал ручку лебедки.

- Давай! – крикнул Долинин. – Быстрее!

- Глуши мотор, – сказал Виталий. – Завтрак готов!

- Сперва отбурим, – невозмутимо отозвался Донилин.

- Так стынет же...

- Схватит инструмент, тогда узнаешь, как она стынет.

- Кто схватит?

- Кто! Кто! Заморозка!.. Вот, кто!

– Мерзлота, – пояснил Нюкжин. – Оставь трубу в скважине, пусть ненадолго, замерзнет вода, скует инструмент. Тогда трубу «бросай надо!»

- То «давай», то «подожди», – пробурчал Виталий.

Нюкжин тоже хотел есть, но промолчал. Прошло около получаса, прежде чем Донилин прислушался. Он и сам не смог бы объяснить, что слышал, но опытный слух подсказывал: бурение на пределе!

- Восемнадцать метров! – сказал Степан. – Затираю керн.

Когда вынули последнюю трубу, солнце уже стояло над лесом. Как только выключили моторы, стало тихо-тихо. Ополоснулись водой из шланга. Сели к огню.

- Я законно жрать хочу! – возвестил Степан.

- Калачей нет, – пошутил Нюкжин.

- Пройдет и так.

Обед у буровой

По тому, как утром Нюкжин не обнаружил в казане вчерашних макарон, а их оставалось немало, сомнений не было: Донилин и Кочемасов позавтракали, причем плотно. И правильно сделали. Какая работа на пустой желудок?! Но Степан и Кеша уминали кашу так, будто на самом деле работали без завтрака.

Чай пили не спеша. Но Донилин засиживаться не дал.

– Пошли... Закончим.

Измазанные мокрой глиной колонковые трубы лежали рядком. Степан начал с последней. Он выдавливал из нее грязную глиняную колбаску, а Нюкжин бережно подхватывал ее по частям, и запечатывал в конверты из бумаги-крафт с прокладкой из восковки.

Пакеты выстраивались длинной вереницей. Лицо Нюкжина сияло. Посветлел и Степан. И Кеша улыбался. Они видели, что Иван Васильевич доволен и чувствовали себя сопричастными к его работе, вероятно нужной. Ведь не кататься же он поехал по болоту!

А Виталий смотрел разочарованно.

– Одна глина, – сказал он.

– В Западно-Сибирской низменности тоже, казалось, одна глина. А сейчас оттуда идет половина добываемой в Союзе нефти.

– Значит, мы нефть ищем?

– Не обязательно. Для начала просто надо знать, что под ногами.

– Болото под ногами.

Снова пили чай. Балагурили.

Потом занялись обустройством вездехода. Переместили бочку с бензином в переднюю часть кузова. Не срочный груз поставили на дно. Кошмы, палатки, спальные мешки, рюкзаки с личными вещами положили сверху, обложив ими рацию и «спецчасть». В корме кузова оставили свободное место, туда сгрузили моторы, лопаты, ломы, запасные тросы. Здесь же поставили сбоку ящик под кухню, пока свободный.

К четырем часам отобедали.

– Сегодня далеко поедem? – спросил Донилин.

– Километров пятнадцать.

– Тогда ехать надо. Еще скважину пройдем.

– Куда гонишь? – спросил Виталий.

– А ты что, утомился?

– Не утомился, а рабочий день кончается.

– Значит на севере рубль длинный, а день?.. короткий?.. Я дело люблю. И чтобы азарт в деле...

– И чтобы «стакан»! – поддел Виталий.

– И чтобы стакан, – согласился Донилин. – Он, сердешный, очищает.

Нюкжин насторожился. Подумал, Виталий и Степан опять схватятся. Но Кеша осадил их:

– Кончай заседание! Не в Академии наук!

Все засмеялись. А Нюкжин решил, что они притерлись.

– Поехали! – сказал он.

Сложили кухню. Кузов затянули брезентом, закрепили веревками. Поверх брезента положили треногу, подстелив под нее кошму.

– Готово! – подвел итог Кеша.

Нюкжин сел в кабину, разложил на коленях карту. Донилин и Кочемасов забрались наверх.

– Кеша! Поглядывайте по маршруту. Не везде можно по азимуту.

– Понятно! – отозвался Кеша.

И вот место, где они ночевали, жгли первый костер, справляли «товарищеский ужин» и бурили – позади! Они словно отчалили от родного берега. И вернутся ли еще сюда, к сараю?

«Ребятам, видимо, придется», – подумал Нюкжин, но как о чем-то очень далеком.

Глава 2

В небе тянулись птичьи стаи. Они держали курс на север. «Куда же они летят? – думал Нюкжин. – Там еще снег».

А птичьи стаи все летели и летели. Вероятно, они лучше знали – куда! Они летели и как будто несли с собой тепло. Снег не просто таял, он сбывал просто на глазах. Ледяные линзочки озер подходили водой, но они ехали по-прежнему напрямую, сокращая путь и испытывая удовольствие риска. Иногда Нюкжину слышался подозрительный треск под гусеницами, и однажды, когда они съезжали с озера, лед у самой кромки берега обломился. Они выскочили на сушу, обдав сидящих наверху всплеском воды.

Виталий притормозил. Нюкжин выглянул: как оно?

Кеша улыбался:

– Лихо вы!

«Не лихо, а глупо!» – подумал Нюкжин и запретил съезжать на лед.

Бывает и так...

Так они ехали и третий день, и четвертый, и пятый, наблюдая, как сбывает снег, как лед на озерах уступает воде, как возникают и ширятся польны... И когда вечером шестого дня вездеход подошел к очередному, намеченному под стоянку озеру, оказалось, что льда на нем уже нет.

Остановились на высоком глинистом бугре, поросшем лиственницей. Прогретая солнцем земля кое-где даже подсохла.

– Здесь и палатки поставить можно, – сказал Нюкжин.

– Суше сейчас нигде не найдем, – подтвердил Кеша.

Он сразу хозяйственно взялся за топор и направился вырубать колья для палаток и очага, а заодно присмотреть сушину на дрова.

Донилин с помощью Нюкжина и Виталия снял треногу, потом они расчехлили кузов, достали палатки.

Моховой покров выделял влагу. Накидали ветки стланика, постелили брезентовый пол, на него резиновый надувной матрас. И сверху кошму и спальный мешок.

– Королевское ложе! – сказал Нюкжин и предложил Виталию, – Располагайтесь рядом.

– Я буду ночевать в кабине, – ответил Виталий.

– Зачем? Неудобно же!

– На земле сыро.

Степан засмеялся.

– Боишься, ночью «хозяин» за бороду ухватит?

Виталий не ответил.

«Он не медведя боится, – подумал Нюкжин. – Просто предпочитает жить отдельно. Но почему?»

К удивлению Нюкжина, ему никак не удавалось установить контакт с Виталием. Казалось бы у них больше общего, чем со Степаном и Кешей, но практически с ними у Нюкжина все ладилось, а с Виталием – никак!

– Тогда давайте поставим палатку ребятам, – предложил он.

Мерипов покосился на Степана с Кешей, они хлопотали у костра, готовили ужин, и согласился.

Закрепив последнюю растяжку, Нюкжин удовлетворенно разогнулся.

– Ну, вот! Теперь настоящий лагерь.

Подсели к костру. Вечер выдался тихий, лирический. Донилин заваривал чай.

Над головами по-прежнему тянулись стаи.

– Летят! – сказал Виталий. – Летят и летят!

В его голосе слышалось восхищение городского человека.

Все смотрели в небо. Великое переселение птиц никого не могло оставить равнодушным. Одни стаи летели высоко и, чувствовалось, нацелены на дальний путь. Другие уже искали

место для отдыха. Они снижались и с шелестом крыльев, похожим на посвист, шли на посадку. Одна из таких стаек плюхнулась на воду озера близ палаток, словно лететь дальше не хватало сил. Приводнившись, утки бодро отряхивались, оглядывались по сторонам, начинали плавать, нырять, кормиться.

Степан вскочил и побежал к вездеходу за ружьем. Но, когда он, крадучись, стал приближаться к озеру, стайка дружно поднялась и перелетела подальше.

– Пустой номер, – сказал Кеша. – Надо на ночь в засидку идти.

«Отпробовать свежей утятинки неплохо, – подумал Нюкжин. – Но сколько таких „засидок“ на пути бедной птицы. И бьют ее, и бьют!.. А она все летит, летит!.. А местные не просто охотятся. Они бьют утку впрок. В той же Зырянке в дни перелета пустеют учреждения. И начальство, и подчиненные – все на тяге. И кто их остановит, если сам райисполком,.. прокуратура,.. милиция... И они, геологи, туда же!». Горизонт затягивала легкая дымка и вечернее солнце окрашивало ее в лилово-пурпурные тона. И огонь костра выглядел в предзакатных лучах бледным и бесцветным.

И вдруг: – З-з-зу... З-з-зу...

Комар! Надо же! Уже комар! В низинах еще лежит снег. На лиственницах только-только пробиваются новенькие зеленые иголки. А комар, провозвестник лета, уже тут как тут.

Отужинали и Донилин поднялся.

– Приступим...

– Сегодня?

– А что?

Ай, да Донилин. Девятая скважина за шесть маршрутных дней! Что называется – дорвался до работы! И ведь может не пить, когда нет ее, родимой...

– Я эту походную жизнь страсть как люблю, – устанавливая треногу, рассказывал Степан. – Зимой, бывало, стоишь у станка. В цехе тепло, не дует. А по мне хоть брось все, да беги.

– Что ж не побежишь? – закрепляя лебедку, спросил Кеша.

– Зимой?.. Куда же, зимой?

– Есть буровые, что работают круглый год, – подсказал Нюкжин, помогая подвесить мотор.

Не-ет... – протянул Донилин. – То, опять же, на одном месте. И дисциплина... С нашим братом-буровиком не пошуткуешь.

Солнце коснулось горизонта, когда Нюкжин и Донилин приступили к отбору керна, а Кеша ушел в «засидку». Керн на этот раз вышел не богатый, скважина прошла через крупную линзу льда.

«Выспаться бы! – думал Нюкжин, направляясь в палатку. – Как следует выспаться!»

Лег, как провалился... Открыл глаза: без четверти восемь!

Вылез из палатки, огляделся. Кеша, Степан и Виталий мирно сидели у костра. Без курток и телогреек – тепло! – в зеленых рубашках с капюшонами (энцефалитках) и такого же цвета штанов, заправленных в резиновые сапоги, они походили на братьев-близнецов.

Костер слабо дымил. Донилин приподнялся, то ли хотел подложить дров, то ли посмотреть кипит ли, но увидел Нюкжина и крикнул:

– Начальник! Тут ночью ходил кто-то!

– Где?

– А вот, по берегу.

На отмели действительно отпечатались странные следы. Таких Нюкжин еще никогда не видел, они походили и не походили на след сапога с рифленой подошвой.

– Сами натоптали? – для проверки спросил он.

– Что Вы, Иван Васильевич! – изумился Виталий. – У кого из нас такой размер?

Нюкжин и сам подумал, что здесь если кто и прошел, то сапоги у него не более тридцать шестого размера. Да и след выглядел очень странно. Он выходил из воды и через метр-полтора возвращался в озеро. И шел странник на одной (!) ноге. И ставил ее часто-часто, почти впри-тык. Чей же это след?

Виталий еле сдерживал улыбку. Донилин пыжился стараясь казаться серьезным. Кеша отвернулся и сосредоточенно ковырял прутиком костер.

– Ну, говорите, в чем дело? – сказал Нюкжин.

Не вытерпел Донилин.

– Кеша штуку приволок с того берега.

Он достал из-за спины припрятанную «штуку». Она походила на высокий женский ботинок, подошву которого пересекали тонкие дентино-эмалевые пластинки.

Челюсть мамонта (зубы)

– Вот! – Донилин прижал ее к влажному суглинку. – Я ее на песок поставил...

– А она пошла! – вставил Кеша. – Сама!

– Точно! Сама! – Донилин наивно тарачил зеленые глаза. – Я только помог ей маленько. Кеша и Виталий смеялись, но Нюкжин не мог оторвать взгляда от «штуки».

– Зуб мамонта, – сказал он. – Очень ценная находка. Как Вы нашли его? Кеша был очень польщен таким вниманием.

– Пошел я вдоль озера, – начал рассказывать он. – Здесь, неподалеку кустарник к самой воде подходит. Сделал заборчик, сажу. Часа в четыре опустилась стая...

– Меня зуб интересует, – не утерпел Нюкжин.

– Я и говорю... Подстрелил несколько штук, а ветерок в ту сторону. Надо бы, конечно, лодку надуть, да держать наготове...

– Кеша!.. – взмолился Нюкжин.

Но Кочемасов не мог иначе. Он должен был рассказать все по порядку.

– Я озеро обошел, а там бугор и отмель под ним. А на отмели навалом костей. Самых разных. И здоровенный бивень из земли торчит.

Бивень мамонта

– Иван Васильевич! Мы ходим за бивнем? – вмешался Виталий.

– Я такие места встречал, – продолжал Кеша. – Не часто, но встречал. Однако не пойму: почему их там такая куча? Прямо кладбище!

– Это и есть «мамонтовое кладбище», – сказал Нюкжин. – Поедем туда после завтрака. Все кости надо собрать, особенно зубы.

Суп-лапша из уток с небольшой добавкой картошки мог бы отвлечь от любых мыслей. Но мамонтовое кладбище!..

Нюкжин торопливо обгладывал утиные косточки и думал лишь о том, что удача набрести на него выпадала далеко не каждому.

Они быстро сняли лагерь и объехали озеро.

– Вот здесь, под обрывом, – указал Кеша.

Нюкжин пошел по отмелому берегу. Он хотел для начала просто осмотреть его, но уже через несколько шагов остановился и присел на корточки. Из под илистых наносов проглядывали витиеватые узоры, подобные древнеарабским иероглифическим письменам.

Нюкжин осторожно очистил их пальцем. Эмалевые узоры заблестели на солнце.

– Похоже на зубы лошади, – сказал Кеша. Он стоял наклонясь над Нюкжиным, стараясь понять, что заинтересовало начальника.

– Это и есть челюсть лошади, только древней, – подтвердил Нюкжин.

– Ясно, что древней, – сказал Кеша. – Сюда от Колымы на лошадях сейчас не ходят.

– Древней, это значит что ей двадцать-тридцать тысяч лет. А то и все шестьдесят!

– Ну-у? – удивился Кеша.

– А вот рядом еще зубы... И кости. Тоже лошади... А вот обломок рога древнего оленя...

Было еще множество других костей – берцовые и тазобедренные, обломки ребер и черепов, и зубы мамонтов и лошадей.

Нюкжин не удержался, начал подбирать наиболее интересные находки. Вскоре он уже прижимал к груди целую охапку и наблюдательный Виталий спросил:

– Бивень, я знаю, ценится. А какой прок от зубов?

– Бивень, как раз, научной ценности не представляет, – наставительно сказал Нюкжин. –

А по зубам определяют тип животного и, следовательно, возраст пород в которых они захоронены.

Бивень мамонта

– Тогда мы отпилим бивень? – спросил Виталий.

Варварство, конечно! А как запретить?

Виталий побежал к вездеходу за пилой. А Нюкжин продолжил поиски. На отмели подобрали каждый зуб, каждую косточку, промаркировали, обложили технической ватой, запаковали в бумагу и уложили в ящики. Затем Нюкжин расчистил и обследовал обрыв, описал его и отобрал образцы.

Донилин напомнил:

– Давайте обедать. А то сами костями ляжем.

Да! Кешины утки не продержались и до полудня. Однако к пяти часам отобедали. Настроение было приподнятое.

– Поедем? – предложил Нюкжин. – Время есть.

– Поедем, – поддержал Кеша. – А то вроде лагерь зря снимали.

– Еще скважину успеем пройти, – добавил Донилин.

После такого удачного дня сидеть в мягком кресле вездехода, мчаться вперед, ощущая скорость и дорогу, и – как поется в песне – «в глубь породы взглядом проникать»...

Исследователей давно занимала причина массового захоронения костей крупных животных. Одни считали, что они тонули в оттаявших после ледникового периода суглинках, другие, что их захватил врасплох потоп, третьи, что причина гибели – болезни.

Вездеход встряхивало, сбивая мысли с логического хода. Место стало холмистей. Стланник накатывался мохнатыми бурями валами. Вездеход сходу подминал их и мчался вперед. Нюкжин привычно отмечал на карте приметные пункты. Кочемасов с кабины вездехода корректировал направление. По морской терминологии он исполнял обязанности «вперед смотрящего». Вот и сейчас в раме лобового стекла показалась его рука. Она сигнализировала – возьми левее! Виталий свернул ближе к сопке, но там оказался крупный кочкарник, торчали обломки полусгнивших деревьев. Машину, несмотря на гусеничный ход, встряхивало. Виталий и Нюкжин стучались головами о верх кабины.

Нюкжин после каждой встряски неизменно возвращался к вопросу: «Почему их такая куча?». Геологические наблюдения следов потопы не находили... Неужели тонули? Массами?!.. Фантастическая гипотеза, хотя если посмотреть вокруг...

Виталий снова вырулил туда, где казалось ровнее и чище. Тогда рука постучала по ветровому стеклу, что означало: остановиться! Виталий взглянул на Нюкжина и продолжал ехать. Ему надоели бесконечные команды, а начальник молчал. Ему не пришло в голову, что начальник задумался.

– Стой! Стой! – заорали сверху в два голоса Кеша и Донилин и забарабанили по крыше кабины.

– Остановите! – рефлекторно выкрикнул и Нюкжин.

Но, поздно! Вездеход разорвал бурю пелену стланника, с разгона выскочил на поросшую травой чистину и... провалился!

Сели... Что называется «по уши»...

Сверху в два голоса несло что «не переводимое», снизу подступала вода.

«Только бы кузов не потек», – подумал Нюкжин, сразу возвращаясь к реальностям жизни.

Вездеход качался на плаву в маленьком, заросшем травяной ряской озерке.

– Давай назад! – несло сверху.

Виталий переключил скорости. Вездеход, загребая гусеницами, медленно подплыл к берегу и уперся в него.

– Давай вперед! – несло сверху.

Теперь Виталий не перечил. Но и впереди берег озерка оказался крутым, вездеход выбраться не мог.

Сверху объясняли Виталию кто он есть, все на том же непередаваемом диалекте.

– Ладно. Бывает! – сказал Нюкжин. – Только дверцу не открывайте. Зальет!

Виталий промолчал, но по его лицу Нюкжин прочитал: еще один учитель нашелся...

Крышка верхнего люка не поддавалась. Нюкжин постучал по ней.

– Эй! Что там держит?

– Тренога, – ответил Кеша. – Сейчас освободим.

«Сплошное нарушение техники безопасности, – подумал Нюкжин. – Если бы лодка кузова потекла, он и Виталий не успели бы даже выскочить...». Наконец он вылез наверх.

– Плаваем, как дерьмо в проруби, – невесело усмехнулся Донилин и «добавил» в адрес Мерипова.

– Выберемся! – убежденно сказал Кеша.

Нюкжин тоже полагал, что они выберутся. Такое случалось не впервые. Конечно, не сахар сидеть в яме с водой, но и особенно голову напрягать не надо. Техническая задача...

– На самовытаскивании? – спросил он.

– Зацепиться не за что. Попробуем на бревне, – взял инициативу на себя Кеша.

– Точно! – поддержал его Степан. – Здесь мелко.

Угнетенный лиственный лес располагался на соседнем бугре, метрах в двухстах от них. Топоры лежали у задней стенки – с них начинался любой лагерь. Но теперь доставать их приходилось не с земли, а с крыши кузова. Виталий отстегивал брезент, концы которого заливала вода. Но у него не получалось.

– Пусти!

Кеша свесился вниз головой. Он расстегивал застёжки, а Степан держал его за пояс, чтобы не «нырнул». Наконец, он достал топоры, распрямился. Лицо у него было багровое и злое. Затем он и Долинин перебрались на землю и пошли к лесу. Нюкжин последовал за ними.

Сначала простирался высокий кочкарник. По колено. Приходилось поочередно вздергивать ноги. Внизу чавкало мокрое болото. Под холмом стало суше. Но здесь густо рос кустар-

ник – карликовая березка, по прозвищу «штанодер». И лишь на вершине холма, большей частью мшелого, Нюкжин смог вздохнуть относительно свободно.

Пока он добирался до холма, Кеша и Степан уже свалили две листовки метров по двадцать. Выше здесь листовницы не росли. Из торцевой части вырубил бревно – два, два с половиной метра каждое. Отсекли тонкие вершинки. Сучья не обрубали.

Нюкжину бревно листовницы не показалось тяжелым. Но идти с бревном по кочкарнику?!..

Кеша поспешил к нему.

– Иван Васильевич, оставьте! Я донесу.

Нюкжин пробовал протестовать.

– Возьмите вот слегу...

Кеша сунул ему в руки длинную листовку, а сам снял с его плеча бревно и пошел по кочкам, по кустарнику. Казалось бревно пригнет его щуплую фигурку. Но, нет! Кеша тащил бревно шустро, как муравей соломинку. Нюкжин со своей жердью, более легкой, хотя и менее удобной, не поспевал за ним. Следом тащил второе бревно Донилин.

Виталий сидел на крыше кабины, как потерпевший кораблекрушение. Тихонько стучал мотор, pompa на всякий случай качала воду, понемногу проникавшую в кузов.

Кеша сбросил бревно на краю ямы и крикнул:

– Давай!

Виталий скрылся в люке и тотчас гусеницы, словно лопасти водяной мельницы, пришли в движение, вздымая густую муть со дна. Вездеход прижался носом к берегу, но корма его ходила по сторонам, что означало – вездеход на плаву.

– Не поможет бревно, – сказал Нюкжин.

– Попробуем. – ответил Кеша. – Берег подкопаем, жерди подсунем.

Лишь бы передние траки зацепились.

Он обхватил бревно тросом и стал крепить в натяг к гусенице, которая едва выступала из воды. Балансируя на закрылке, он одной рукой забивал «палец» трака, крепя им трос к траку, другой держался за бортовой крючок. Донилин делал тоже самое с другой стороны вездехода.

Нюкжин попытался срыть берег, сделать его ниже, положе. Но, как только лопата сняла кочкарник и слой тонкого мерзлого торфа, как тотчас звякнула о лед.

«Еще хуже! – подумал он. – За лед траки не зацепятся».

Кеша тоже нахмурился.

– Жердей надо побольше. Придется еще раз сходить.

Они сходили еще раз, закрепив вездеход веревкой за большую кочку, чтобы не отплыл от берега.

Наконец все было подготовлено.

– Ну, давай! – скомандовал Кеша.

Взвыл мотор, гусеницы стали проворачиваться, подгребая под себя бревно. Вездеход приподнялся: бревно зацепилось за подсунутые под него жерди и машина подалась вперед.

– Давай! Давай! – кричал Донилин.

Но за лед траки не цеплялись. С хрустом ломались одна за другой жерди. А бревно, привязанное спереди, вынырнуло позади вездехода.

– Стой!!! – выкрикнули одновременно три глотки.

Мотор сбросил обороты, вездеход закачался на плаву. Рядом качались всплывшие обломки жердей.

– Попробуем назад? – спросил Нюкжин.

– Попробуем...

Но и на тот берег, с которого они «съехали», выбраться не удалось. Одежда намочила. В сапогах хлопала вода. Руки у Нюкжина висели как плети. Пусть основную работу делает

не он, но сколько ее – вспомогательной! Достань,.. поднеси,.. подкопай,.. подсунь... Еще раз подсунь,.. да не туда!.. И – мать!..

В такой работе уже никто не замечал, кто начальник, а кто подчиненный. Команды подавал Кеша. Остальные их выполняли. Но дно ямы оказалось слишком илистым. И бревно, и подсунутые под него жерди только вздымали густую бурю муть. Вода стала коричневой.

– Не получается, – наконец сказал Кеша. – До дна не достать. Придется на самовытаскивании.

– А за что трос крепить? – спросил Донилин. До ближнего пенька метров сто.

– Лом забьем, – сказал Кеша.

– Соскочит трос.

– Так забьем, чтобы не соскочил.

– Ну, давай, попробуем.

Они взяли лом и кувалду, отошли шагов двадцать. Лом прошел кочкарник и уткнулся в лед. Донилин «высказался» и они перешли на другое место. С четвертого захода удалось забить лом.

– Жерди нужны. Придется еще раз сходить, – сказал Кеша.

Казалось, уже никаких сил. Но они сходили. Волочить жердь, которая цепляется всеми ветками за кустарник?!.. Они приволокли. Три жерди.

– Покурим? – предложил Донилин.

– Покурим.

Они сидели на жердях и курили. Молча. Потом Кеша кинул окурочек в воду.

– Начали!

Жерди подсунули под гусеницы. Трос привязали – одним концом за лом, другим за «звездочку», ведущую гусеницы вездехода. Загудел мотор, звездочка пришла в движение и... Нет, трос не соскочил с лома, просто он выдернул его, как спичку из песка.

Донилин опять выразил свое мнение – о болотах, о методе самовытаскивания, о Мери-пове. Кеша молча пошел забивать лом. Теперь он выбрал место чуть подалее и за большой кочкой. Лом он загнал не просто с наклоном, а под кочку, под сорок пять градусов.

Давай бревно! – крикнул он. – И топор!

Нюкжин и Донилин подтащили тяжелое намокшее бревно. Кеша прорубил в нем желоб и положил под трос между кочкой и ломом. Бревно тоже частично налегало на лом.

– Вот! – удовлетворенно сказал Кеша. – Теперь и лом не выдернет, и трос не соскользнет. Он говорил так уверенно, что Нюкжин поверил – Кочемасов вытащит!

Мотор заработал на малых оборотах. Звёздочка начала вращаться, наматывая на себя трос. Вот трос натянулся. Лом подался, шевельнулось бревно...

Но лом не выскочил, а вездеход вздыбился, заскользил по льду юзом, будто его волокла нечистая сила. Лед, тот самый лед, за который не могли зацепиться траки, теперь играл добрую

роль – он уменьшал трение! И вот, вездеход перевалил через бровку берегового уступа, клюнул носом, зацепился траками за кочкарник и одержимо рванулся вперед.

– Пошел! Пошел!

Нюкжин не слышал: он ли кричит? Или Кеша? Или Донилин?

Кричали все трое. А вездеход уже мчался на полной скорости и прямо на лом.

«Что делает? – мелькнуло у Нюкжина. – Пропорет лодку!»

Лом рвануло. Он вылетел из под кочки, отлетел в сторону. Конец троса хлестал по звездочке, по борту вездехода. Нюкжин и Кочемасов бежали за машиной. Донилин оказался впереди. Он пятился, падал, вскакивал, снова пятился, показывая руками – на себя, на себя, – и кричал:

– Вперед, славяне! Вперед!

Виталий рвал машину рывками и она совершала невероятные скачки, словно подпрыгивала. А болото ходило ходуном: вверх-вниз,.. вверх-вниз... Если вездеход остановится, не миновать ему провалиться снова.

– Вперед, славяне!

Вездеход выкатил на бугор и остановился. Подбежали и Нюкжин с Кешей. Все трое тяжело дышали. От Донилина валил пар. Виталий распахнул дверцу, соскочил на твердую землю. Он был бледен.

– Живы, славяне! Живы! – ликовал Донилин. – Порядок в танковых частях!

На нем не было сухого места.

– Переоденься, – посоветовал ему Нюкжин, яростно растирая указательным пальцем подбородок.

– Ничо! – ответил Степан. Дальше следовала запутанная фраза, из которой, если опустить непередаваемые слова, явствовало, что переодеться он успеет, а вот «стопарик» сейчас бы «самое хорошо!» Если бы у Нюкжина имелось, а по технике безопасности полагалось иметь «НЗ», он поставил бы не то, что «стопарик», целую бутылку. Но разве с такими как Донилин запас мог быть «неприкосновенным»?

– Переоденься, – повторил он. – А бутылка за мной.

Приподнятое настроение Донилина просилось наружу.

– Кеша! – распорядился он. – Посмотри, начальник говорит за ним поллитра стоит!

Кеша осклабился.

– Она не стоит. Она закопана. До приезда.

Эти люди еще имели силы шутить.

К лицу Виталия возвращался прежний цвет.

– Поедем? Или здесь встанем?

Солнце уже держало путь от горизонта. Они провозились за полночь. Ребята осунулись. У Кеша четче обозначились скулы. Донилин казался стройнее, его пивной живот убрался куда-то под рубаху.

«А как я выгляжу? – подумал Нюкжин. – Наверное, тоже хорош!»

Если бы он мог посмотреть на себя со стороны, то в первую очередь увидел бы грязную робу, тяжелый подбородок, глубоко запавшие глаза и слипшиеся волосы, уже не скрывавшие обозначившиеся залысины. А на взгляд своих товарищей, он выглядел просто постаревшим.

– Поехали, – сказал Донилин. – Не место здесь.

– Далеко еще? – спросил Кеша.

– Километра три.

– Тогда лучше ехать.

– Мокрые же...

– Обсохнем.

– Ну, хорошо. – согласился Нюкжин. – Поехали.

Удивительно, но он испытывал прилив сил. Собственно, что произошло? Ну, провалились! Ну, выбрались!.. Издержки производства.

И когда вездеход взял с места, встряхивая и подбрасывая на кочках, с удовлетворением подумал: «До чего легко с ними, когда они вместе, и до чего трудно, когда каждый из них сам по себе».

На ночлег встали, когда стрелки показывали около четырех часов утра. Автоматически поставили палатку, одну на троих – Виталий, по-прежнему, ночевал в вездеходе. Сварили макароны и заварили чай. Нюкжин ел без аппетита. Спать! Все остальное казалось малозначительным.

Встали около часу. Умылись в озере, вода взбадривала. Без суеты приготовили обед, коллективно. Сидели у костра, словно спешить уже некуда. Пили крепкий, кирпичного цвета чай. Ими еще владели и усталость и возбуждение. Донилин материл Виталия, но вяло, не по-долнински. Кеша держал его сторону.

Палатка 6-местная

Тем бы и кончилось, если бы Виталий не вздумал оправдываться.

– Ехать не надо было, – сказал он. – Солнце к порогу, а мы в дорогу.

– Паром на середине реки не останавливают, – задумчиво ответил Кеша.

– В Конституции записано: восьмичасовой рабочий день!

– Ну, ты-то, не очень вспотел за этот день, – поднял голову Донилин.

– А хоть и не вспотел. Не на сдельщине, чтобы надрываться.

– А если на сдельщине? Тогда как с Конституцией? – зло спросил Кеша.

Мерипов промолчал. То ли не нашел, что сказать, то ли не посчитал нужным.

А Нюкжин подумал, что Виталий не так уж неправ. Если бы они работали как положено, по восемь часов в день, не было бы такого напряжения, такой усталости. Возможно, тогда бы Виталий и не просмотрел злополучную яму.

Но и согласиться с Мериповым было трудно. Закон определяет норму рабочего дня, но не запрещает превышать ее. Разумеется, когда это необходимо и с согласия исполнителя. А сейчас как раз такой случай, когда абсолютное требование букве закона абсурдно. К тому же, не могли же они трое остановиться из-за одного человека. Нет, не могли! Этот один должен был подчиниться. Должен! Несмотря на его права.

И поскольку Нюкжин не мог сейчас вынести окончательного суждения, он сказал примирительно:

– Не стоит ругаться. Ту лужу и я не видел.

– Ему же сигналили, – сказал Кеша. – Куда ехал?

– Ты знаешь, а он первый раз.

– Первый!.. Он за длинным рублем ехал, – хмыкнул Донилин.

– А ты за каким рублем? – зло сорвался Виталий.

– Я свое дело делаю, – отпарировал Степан. – А ты еще раз вмажешься, сам будешь вытаскивать.

Нюкжин посмотрел на Кешу – ведь обещал воздействовать! Но тот повернулся к Степану, не замечая взгляда начальника.

– А ты не будешь? – спросил он.

– Не буду! – убежденно мотнул головой Степан.

– Смотреть будешь?

– Смотреть... Как он пупок надрывает.

– Со стороны?

– Со стороны!

– Когда?

– Что когда?

– Врать перестанешь?

Донилин обалдело посмотрел на Кешу.

– А ты?.. Вытаскивать будешь?

– Буду. Вместе вытаскивать будем.

– Иван Васильевич! – вдруг спросил Виталий. – а если б не выбрались, тогда как?

– Вызвал бы вертолет. По рации.

– А вездеход? Бросили бы?

– Я думаю, «МИ-8» его вытащил бы. Хотя, случается, бросают.

– Все так просто?

– Не так просто, но и не так сложно. Это землепроходцы шли в одиночку. А за нами во все глаза глядят.

– То-то я смотрю, Вы совсем не волновались.

Если бы он знал!

Предстояло еще пройти скважину, но никто не торопился.

– Отдохнем сегодня, пожалуй, – сказал Нюкжин.

– Может баньку соорудим? – предложил Кеша.

– Неплохо, да ведь устали.

– А много ли надо на баню? – сказал Кеша и добавил, словно они только что не ругали Мерипова. – Съездим с Виталькой. Не на себе же!

Баньку хотели поставить на пожоге. На сухом месте разложили костер, но он почти сразу подошел водой. Тогда место очистили от угольев, накидали на теплую лужу порубленные кусты карликовой березки и на нее постелили тент. Сверху натянули старенькую палатку, специально припасенную для бани. Внутри поставили железную печку, нагрузили на нее запасные траки.

Донилин растопил печку, занес в палатку два ящика, таз и ковшик.

– Ну, жара! Веником березовым дышит, – доложил он, вылезая из палатки. – Кто первый?

– Иван Васильевич! – предложил Кеша.

– Я потом, – вежливости ради отказался Нюкжин.

Тогда – я! – сказал Кеша.

Он снял с костра ведро горячей воды, отнес в баню. Потом другим ведром зачерпнул из озера. Положил у входа чистое белье, полотенце и стал раздеваться. Снял измызганную в грязи рубашку, скинул резиновые сапоги и брезентовые штаны. Последней он снял тельняшку, незабвенную память о флоте, на котором служил мотористом.

– Эх, веник забыл!

– Я принесу, – сказал Донилин.

Нюкжин впервые видел Кочемасова без одежды. Его тело поражало мускулистостью: казалось, что руки, ноги, мышцы груди и живота свиты из одних узлов. А смуглая кожа, похоже, еще держала прошлогодний загар.

Кочемасов отдернул входную полу и исчез в палатке. Донилин принес и бросил ему туда березовый веник. Листва на березках была еще прошлогодняя, бурая, местами красная и веник походил на те, что специально сушат на зиму. Словом, это был добрый березовый веник!

За полотнищем послышался всплеск воды, урчанье. Из всех дыр в палатке повалил пар. Палатка заходила ходуном, словно в ней ворочался медведь. В конце концов входные полы распахнулись и Кеша с разбега кинулся в озеро. Он только окунулся, как тут же выскочил на берег и, яростно отмахиваясь от комаров, стал обтираться махровым полотенцем.

– Хорошо? – спросил Нюкжин.

– У-ух! – выдохнул Кеша.

– Кто следующий?

– Я – последний. – сказал Донилин.

– Идите Вы! – предложил Виталий.

Нюкдин не стал отказываться.

– Я, так я!

Пример Кости раззадорил его, хотя купаться в озере?.. Нетушки!

В банной палатке Нюкжин подложил дров в печку, огляделся. Один ящик служил подставкой под таз, другой – сиденьем. Брезентовый пол, влажный и теплый, живительно ласкал босые ноги.

Пламя вспыхнуло с новой силой, в трубе загудело. Железные бока печки начали краснеть. Траки впитывали жар.

Нюкжин плеснул на них водой из ковшика и волна тропического влажного жара обдала тело. Горячая сырость, сгущаясь под потолком, давила на плечи. Он присел на корточки: «Ну, греет!»

Воздух в палатке пропитался ароматом распаренного березового листа. Нюкжин глубоко вдохнул его запах, словно напился. Потом приподнялся, сел на ящик и налил в таз горячей воды. Попробовал и отдернул руку. Не вода, вар! Он разбавил ее и с наслаждением опустил в таз голову.

Горячая вода смывала не только многодневный пот, многодневную грязь, многодневную усталость. Она смывала напряжение минувшей ночи, возвращала бодрость и уверенность.

Нюкжин плескался и фыркал, бил себя веником до покраснения. А когда жара и духота стали нестерпимыми, обдался холодной водой из ведра, что стояло у порога. Вода не показалась ему студенной. Она ласкала разгоряченное тело. Но комары! Они только и ждали, когда он выйдет.

Нюкжин взялся за полотенце.

– Хорошо! Ох, хорошо! – приговаривал он, словно ему могли не поверить.

Одновременно он отмахивался от комаров. Но не выдержал и полуодетый побежал в палатку.

День закончился так быстро, будто его вычеркнули из календаря. И, все-таки, было в этом дне что-то нужное. Они уплатили дань болотам! Суеверие? Ну, пусть они уплатили за «науку». Главное, не увязли. Главное, что еще одна трудность – «романтическая», нет, обыкновенное «ЧП» – позади. Сколько таких «ЧП» уже было на их пути. То нет труб, то мастер в запое, то наводнение, то авиация... Личная несовместимость тоже трудность не последнего значения. Но все они поочередно остаются за спиной, а Дьяска все ближе. Только не угадаешь: кончатся ли там трудности? Скорее всего, одни кончатся, а другие начнутся.

Глава 3

А впереди уже маячила Дьяска. Они пересекли Южную часть Колымской низменности от Юкагирского плоскогорья до отрогов Алазейских гор. Нюкжин договорился еще в Зырянке,

что Сер-Сер пришлет техника-радииста с картой и рацией, он и перегонит вездеход в Средне-Колымск. А его, Нюкжина, тем же бортом перебросит на Седёдему – основной объект полевых работ сезона. Ребятам достанется! Земля уже оттаяла, кругом полно воды и ловушек, вроде «их» ямы. Но пока что они ехали, словно действительно уплатили дань болотам и тем обеспечили себе спокойную дорогу.

Конечно, они устали. Каждый день с утра до ночи! Изменилась и обстановка. Теперь она характеризовалась одним словом – грязь! Мокрая грязная земля, заляпанный суглинком вездеход, в грязи одежда, сапоги. А сами они словно и не видели баню. И досаждали комары. Их полчища висели в воздухе, застилая солнце. Как только вездеход останавливался, они набрасывались на людей, пренебрегая запахами бензина и желез.

– Кого они жрут, когда нас нет? – удивлялся Виталий.

– Они не жрут, они закусывают, – объяснял Донилин. – Мы для них деликатес!

– Без комара тайга уже не тайга, – рассудительно утверждал Кеша.

Трудно было понять откуда они появлялись. Их рождали каждая травинка, каждый листик. Они не давали спокойно поставить палатку, поесть, заснуть, а о том, чтобы отойти в кусты и говорить нечего. Спасались от них кто как мог. Виталий немилосердно мазался дегтем, отчего его лицо и борода постоянно масляно лоснились. Донилин курил подмоченную махорку, дым которой не выдерживали не только комары, но и люди. Нюкжин не снимал накомарник, поминая тех, кто его делал. Накомарник мог пригодиться разве что для непродолжительных прогулок по подмосковью. Один Кеша оставался невозмутимо нечувствительным. Лишь во время трапезы, когда комары лезли прямо в рот, он отмахивался от них рукой.

И только озера голубели чистым открытым взглядом. С воды веяло ветерком и, если лагерь стоял на берегу, комары беспокоили не так сильно. Но озера уже встречались редко.

Река Дьяска протекала по местности не похожей на Колымскую низменность. По ее берегам возвышались невысокие сопки. Долина хотя и мшелая, но не болото. А вода проточная, чистая. Она бежит вниз, к Седёдеме. А Седёдема – к Колыме! Дьяска всего лишь «веточка» на «дереве» Колымы. Но как хорошо дойти до Дьяски!

Стоянка у речки

Они ликвидировали отставание по срокам и скважин прошли полторы нормы. А все-таки грустно. И ребята притихли. Другие перед завершением работ начинают вольничать: мол, кончилось твое время, начальник! А эти притихли.

Последний лагерь поставили на сухом месте, у проточной воды. Палатку Нюкжину, палатку Кеше со Степаном. Виталий сказал, что по прежнему будет ночевать в вездеходе. Натянули антенну. Выбрали место для бурения, но бурить не стали. Они приехали, спешить некуда. Даже на вечернюю связь Нюнжин не вышел. Все – завтра! А сегодня пусть душа отдохнет!

Ночью Нюкжин впервые спал безмятежно. И Донилин не разбудил. Курорт! Но проснулся как обычно – без четверти семь. Подсоединил блок питания, потрогал рычажки настройки. Сразу поймал знакомые голоса. Переговаривались начальники соседних партий – Егоров и Козельский. Разговор шел о доме. И Нюкжин вдруг ощутил, что скоро борт, а с ним и письмо. Да! Пожалуй самое трудное – ждать письма!

На Большой Земле никак не могут понять, что писать надо чаще. И не бранить полевиков за молчание. Отсюда, с Колымской низменности не докричишься.

В трубке радиотелефона зашуршало и голос Прохорова, без объявления позывных, сразу сделал «втык» Егорову и Козельскому за личные переговоры на рабочей волне и в неурочное время. Потом Прохоров дал, как обычно, свои позывные и спросил:

– Кто на связи?

В эфире поднялся галдеж. Со всех сторон неслись позывные полевых отрядов. Как Прохоров различал кто есть кто, оставалось загадкой. Но Прохоров различал. Вот и сейчас:

– Внимание! Внимание! Работает радиостанция РСГТ! Всем быть на связи... – Легкая пауза. – РЗПС! РЗПС! Как слышите? Прием.

«Первым зовет», – подумал Нюкжин и включил передатчик.

– РСГТ! РСГТ! Здесь РЗПС! Слышу нормально. Прием!

Голос Прохорова: – Доброе утро, Иван Васильевич! Как у Вас погода?

Дежурный вопрос. Погоду спрашивали у всех, независимо, направлялся к ним борт или нет. Но Нюкжин решил, что борт будет к нему.

– Погода отличная, – ответил он. – Видимость миллион на миллион. Прием!

Голос Прохорова: – Примите радиограмму...

Прохоров диктовал быстро, четко, повторяя некоторые слова по два раза. Нюкжин торопливо записывал. Сер-Сер предлагал ему перегнать вездеход в Средне-Колымск своими силами.

– ...Как поняли? Прием! – завершил передачу Прохоров.

– РД принял, – дал «квитанцию» Нюкжин. – Но что значит «своими силами»? Прием.

Голос Прохорова: – Не знаю, Иван Васильевич! Передаю как в РД. Что у Вас ко мне? Прием!

Прохоров считался самым осведомленным человеком в экспедиции. Его «не знаю» говорило лишь, что он не хочет вмешиваться в дела Фокина.

– Передайте начальнику: «Радиограмму не понял зпт Прошу вечером переговоры». Прием!

Уже то, что Нюкжин сказал «начальнику», а не «Сергею Сергеевичу» ясно обозначало его неудовольствие.

Бесстрастный голос Прохорова: – Передам. Конец связи... – и стал вызывать другую партию.

– Конец связи! – как положено ответил Нюкжин, хотя Прохоров уже не слушал.

Обычно связь с экспедицией воспринималась как своего рода маленькое таинство. Слыша знакомый голос, люди не чувствовали себя забытыми и одинокими. Их звали, о них помнили. Но сейчас у Нюкжина осталось ощущение, что Сер-Сер его бросил.

В нарушение уставных правил он слушал еще минут пятнадцать. Коллеги жили обычными заботами. Егорова только что «выбросили» и он обустроивал лагерь. Козельский начал работу половинным составом. Многие еще не прилетели. И вообще, аэродром в Зырянке только что открылся. В поле работали пока первые отряды. Обычная картина для начала июня. И радиограмма, направленная ему Сер-Сером, не представлялась чрезвычайной или необычной, но огорчала непоследовательностью. Ведь они четко договорились, что по завершении бурения Нюкжина перебросят на Седёдему. А теперь опять экспромт!

Он выключил рацию – ну их всех!..

– Иван Васильевич! Завтракать! – донесся голос Кеши.

А Нюкжин еще не умывался. Мысленно он спрашивал Сер-Сера: а что будет делать его отряд? Неделю слоняться по Зырянке? А что такое неделя при их коротком летнем сезоне? Успех работы иногда определяет день, а то и час. В прошлом году вертолетчикам не хватило долететь до него всего один час светлого времени. И после этого он ждал вертолет четыре дня! Сентябрь подбирался к середине. В ночном небе полыхало Северное Сияние. Здорово! Но ведь пятнадцать с минусом. А они в парусиновой палатке. С печкой, разумеется. Без печки осенью вообще не проживешь. Но четыре дня неизвестности!.. Вот, что стоит на Севере один час. А тут неделя!

Он вылез из палатки, вышел на берег Дьяски. Холодной водой ополоснул лицо. Пока чистил зубы пришла мысль:

«А ведь Сер-Сер и не собирался никого посылать!»

Степан, Виталий и Кеша сидели около костра, но завтракать не начинали. Ждали.

– Что новенького? – спросил Донилин.

Обычный вопрос. Нюкжин всегда охотно делился информацией. Но говорить о радиограмме не хотелось.

– Вечером переговоры с начальником, – уклончиво ответил он. – А вообще-то народ зашевелился. Некоторые уже в поле.

– Я наливаю? – Предложил Донилин.

– Что у тебя там?

– Уха! – небрежно, словно о пустяке, сказал Донилин. – На зорьке наловил.

Стояли белые ночи. Солнце едва коснувшись горизонта вновь стремительно шло к зениту. О зорьке можно было говорить только относительно. И тем не менее...

– Ну, как? Со дна пожиже?

– Давай! Но немного, чтобы не через край! – в тон ему ответил Нюкжин.

Горячая перченая уха из свежих шурят имела отменный вкус, хотя шука на Колыме считалась сорной рыбой.

– Ну, как? – спросил Донилин, видимо не чуждый радостям похвалы.

Горячая уха заполняла рот ароматом лаврового листа и Нюкжин только поднял кверху большой палец.

– На второе жареха из чебаков. Сегодня рыбный день.

Вкуснота необыкновенная. В городе такого не знают.

После завтрака Донилин снял казан и пошел зачерпнуть воды.

Виталий отошел к вездеходу. У костра остался лишь Кочемасов. Нюкжин молчал, стараясь не встречаться с ним взглядом. А тот вроде и не смотрел на него, вроде в огонь смотрел. Но тихо спросил:

– Что-нибудь неприятное?

Удивительно обостренное чутье у Кеши. Ни чем не выдал своего настроения Нюкжин. Даже подбородок не почесал. А Кочемасов определил совершенно точно.

– Есть немного... – Нюкжин не собирался лукавить с Кочемасовым. – Но только потом, после переговоров.

Вернулся Донилин и поставил казан на огонь.

– Помоешь? – спросил он Кешу. – Я пойду вздремлю минут пятьсот.

Нюкжин выпил еще кружку крепкого чая и ушел в палатку. Предстояло подготовиться к вечернему разговору, собраться с мыслями. И написать письмо Нине. Если не отправить его с вертолетом, который прилетит за ним, то следующая оказия будет не скоро.

Он начал с письма: «Дорогая Ниночка! Мы закончили бурение, стоим лагерем на реке Дьяске. Местность красивая, река, сопки. У меня все в порядке...» И задумался. Ждешь, ждешь возможности отправить письмо, а станешь писать и вроде не о чем. Не писать же как они барахтались в луже. Она там с ума сойдет от страха.

«Погода стоит хорошая. В реке много рыбы... Жду твоих писем. Целую!...» И так каждый раз. Главное – подать весточку!

Он спрятал письмо в конверт, достал дневники, разложил карту. Они неплохо, совсем неплохо прошли за шестнадцать дней. И девятнадцать скважин тоже означало полуторную норму... Оторвал кусок миллиметровки и начал вычерчивать колонки скважин: первую... вторую... Сопоставленные в один ряд они показывали заманчивую картину рыхлого покрова по маршруту.

– Можно?

– Пожалуйста!

Вошел Виталий. Он помылся, переделся в чистое и... сменил бороду аля-Рус, на аля-Швед!.. Что за страсть к перевоплощениям?

Полевая баня на речке

– Работаете?

Смешно шевельнулась непривычно белая полоска верхней губы.

– Проходите! Полы лучше прикройте. Комары! – Работу пришлось отложить. Виталий все время держался особняком, в стороне. Его приход означал что-то необычное. – Садитесь!

Нюкжин подвинулся, освобождая место на спальном мешке. Виталий присел, с любопытством осматривая жилище Нюкжина, разложенные дневники и карты, рацию у изголовья. Даже не с любопытством, а с интересом к той интеллектуальной жизни, к которой имел отношение, но почему-то пренебрег. И, как обычно, молчал. Шведская бородка придавала его лицу выражение подчеркнутой экстравагантности и в то же время делала чужим. Перед Нюкжиным сидел другой Виталий, очень уж чистый. Они все помылись и выглядели неправдоподобно чистыми. Но Виталий особенно.

«По городскому!» – догадался Нюкжин.

– Скучаете? – спросил он.

– Нет. Просто все не совсем так, как представлялось.

– А как представлялось?

– Ну, романтика... экзотика... супермены... И золотые самородки под ногами.

Он, конечно, иронизировал.

– Да! – посочувствовал ему Нюкжин. – Писатели приукрашивают нашу жизнь. Они думают, что у нас только преодоление пространства. И сногшибательные находки.

– Самородков нет. Но километры здесь трудные.

– Как оценивать? Проходимость, конечно, скверная. Но не она главное.

– Что же – главное?

Нюкжину показалось, что они говорят о сокровенном.

– Я стал геологом не тогда, когда окончил Университет и получил диплом, – сказал он. – А когда геология превратилась для меня из профессии в образ жизни. Никакой другой интерес не может сравниться с интересом познания. Самое большое удовольствие – размышлять.

Он вдруг почувствовал, что Виталий не слушает его и закруглил свою мысль менее увлеченно:

– Конечно, познание пространства связано с определенными трудностями, но они далеко не всегда такие, с какими столкнулись Вы. Мы поздно выехали и поэтому сейчас работаем в особо сложных, я бы сказал – экстремальных условиях.

– И кому это нужно?

Виталий спросил «кому», а не «зачем?». Нюкжин вопросительно посмотрел на него и встретился с напористым взглядом в упор.

– Я хотел сказать: зачем надрываться?

– Мы не надрываемся. У нас такая работа.

– Я и говорю: без выходных, по двенадцать, по четырнадцать часов... – И без перехода спросил: – А отгулы за переработку нам полагаются?

«Вот зачем он пришел! – подумал Нюкжин. – Маршрут закончен, пора позаботиться о дивидендах».

Снова всплыл давний разговор о восьмичасовом рабочем дне. Но на этот раз Нюкжин не думал, кто прав и кто неправ. Настырность Мерипова ожесточала.

– Нет, – сказал он. – Отгулы, как правило, не предоставляются. Потому что мы сегодня работаем с перебором, а завтра-послезавтра нагрянет непогода или неделю будем ждать вертолет. Так что в среднем за сезон выходит обычное количество рабочих часов.

– За сезон, – повторил Виталий. – Но тут не сезон.

– Сезон еще впереди.

– Кто знает? – уклончиво сказал Виталий. – На новом месте могу сказать, ничего знать не знаем!

– Конечно! – согласился Нюкжин. – Если Вы считаете необходимым, я дам Вам справку. Но, честно говоря, не припомню случая, чтобы кто-нибудь просил ее.

Сказал и подумал о Фокине. Если бы все стали просить отгулы или денежную компенсацию, то перед Фокиным возникли бы непреодолимые трудности. Он ведь не бог и его возможности ограничены фондом заработной платы, нормативом численности... И хотя Фокин перекладывал изрядную часть своих тягот на плечи начальников полевых подразделений, – а куда денешься? – Нюкжину в голову не пришло бы перекладывать свои трудности на него.

И, словно читая его мысли, Мерипов сказал:

– Вы тут связаны друг с другом. И отношения не хотите портить с начальством.

– А Вы?

– А я сам по себе. Мерипов Виталий Константинович. Тридцать восьмого года. Беспартийный. Плачу алименты и обременен высшим образованием.

Он говорил о себе, но говорил равнодушно, даже брезгливо, словно сам себе не очень нравился. И Нюкжин воспользовался его откровенностью.

– Да! – сказал он. – Я знаю, что у Вас диплом инженера. Если не секрет, почему Вы не работаете по специальности?

Виталий помолчал, потом сказал:

– Пробовал. Не получилось.

– Не понял! – сказал Нюкжин. – Вы же не глупый человек.

– Может быть! – вздохнул Виталий. – А вот, не получилось!

И начал рассказывать:

– Направили меня в гараж. Большой Гараж! Министерский! Определили в особый блок: лимузин министра... лимузин зама!.. Сказали: Твое дело маленькое – чтобы они по воздуху летали! Ну, значит, чтобы с ними ни каких недоразумений. А какие могут быть недоразумения? Все новенькое, отобранное по спецзаказу... А ставки, хоть и Большой Гараж, как и везде, маленькие. И стал я баловаться. То приятелей покатаешь, то пару кругов по Садовому кольцу в часы пик. Начальство сквозь пальцы смотрело, не только я так ездил. Но однажды понадобилось вдруг в неурочное время. Мне взмылка! «Ты понимаешь, чью машину взял?!.. Ты понимаешь, где работаешь?!» Грубо, так. Криком! И я не сдержался. Говорю: «Где работаю – знаю, а вот кем, в толк не возьму. То ли инженер-механик, то ли холуй при министерской машине!..» И вышибли меня. Да еще записали в трудовой такое, что пришлось ее потерять. А я решил – уж если вкалывать, то за хорошие деньги. И пошел в таксопарк. А потом умные люди подсказали: сезонная работа – лучше всего! За лето заработок, что в городе за весь год. И ни перед кем гнуться не надо.

– Но, ведь Вы инженер! Образованный человек.

– Почета, конечно, мало. Но зато по справедливости: что заработал, все мое. И свободен, как Челкаш.

– Ну? – удивился Нюкжин. – Челкаш босяк, вор.

– Горький воспел его.

– Вы не поняли Горького. Литература не изящная словесность, а одушевленное мировоззрение. Он выступал против бесправия капиталистического общества.

– Все равно! Челкаш свободный человек!

– Свободный от чего?

Разговор перерастал в дискуссию на литературные и социальные темы, но за палаткой слышались шаги.

– Можно? – спросил Кеша, раздвигая полы палатки.

– Заходите.

Кеша зашел, присел напротив на корточки. За ним втиснулся Донилин.

– Без пяти шесть! – сказал Кеша. Это означало, что подошло время переговоров с базой.

Нюкжин оглядел компанию. Кеша присел, обхватив колени руками. Его ухо было насторожено в сторону рации. Багровое лицо Донилина дышало солнечным жаром. Белесые брови выделялись на нем, как на негативе. Виталий сидел рядом невозмутимым сфинксом.

Присутствовать на радиостанции, особенно во время связи, не разрешалось. Тем более, предстоял щекотливый разговор. Но он касался их непосредственно. И Нюкжин не мог обидеть людей незаслуженным недоверием.

– Точно! – сказал он. – Чуть не опоздал.

Вечерняя связь считалась необязательной. Поэтому Прохоров, дав свои позывные, как обычно назвал только тех, кто ему нужен.

– Остальные свободны, – объявил он и стал вызывать соседнюю партию.

Нюкжин подключил динамик и они, все четверо, слушали, как между Фокиным и Козельским шло длинное препирательство по поводу вертолета. Козельский объяснял, что они не могут начать работу без старшего геолога, который задержался на базе, а Сер-Сер доказывал, что без одного специалиста можно пока обойтись, а на базе скопились партии, которые еще вообще не «выбрасывали».

– Сколько ждать? – взывал Козельский.

– Не будем тратить время на пустые разговоры, – сказал Сер-Сер и Прохоров начал вызывать другую партию. Там вышел из строя вездеход, срочно требовались запасные части. Сер-Сер пообещал дослать их попутным бортом. Потом шли переговоры с третьей партией,.. с четвертой... Нюкжина вызвали последним, что означало: Фокин не считает разговор особенно важным.

– РЗПС! РЗПС! Здесь РСГТ! Как слышите? Прием!

– РСГТ! Здесь РЗПС! Слышу нормально. Здравствуйте, Сергей Сергеевич! Ваше «РД» о перегоне вездехода не понял. Поясните пожалуйста. Прием!

– Здравствуйте, Иван Васильевич! Поздравляю с успешным завершением буровых работ. В каком состоянии вездеход?

– Все в порядке, но профилактика не помешала бы. Прием.

– Вот и хорошо. Его надо перегнать в Средне-Колымск, а оттуда водой отправить в Зырянку. Егорову поступила новая машина. Ваш вездеход пойдет в другую партию. После профилактики. Прием.

– Кто должен перегнать? Я?.. Прием.

Голос Фокина: – Я не предлагаю Вам лично перегонять вездеход. Два человека дойдут сами. Я имею ввиду Кочемасова и Мерипова. Донилина направьте в Зырянку вертолетом, который послезавтра загружаю Вашим отрядом. Оцените! Вам – первому! Прием.

Сер-Сер пытался откупиться.

– Но Вы обещали прислать техника-радиста! Прием.

В голосе Фокина прорвалось раздражение.

– Свободных радистов на базе нет. Я думаю вопрос не подлежит обсуждению. Прием.

– Я не могу отправить людей без карты и рации. А ехать самому, значит потерять неделю.

Прием.

Голос Сер-Сера снова шелестел бархатом:

– Ничего особенного! Дорогу они знают. Установим контрольный срок, как обычно.

Прием.

«Как обычно» означало, что если вездеход не выйдет в Средне-Колымск к назначенному сроку, его полетят искать. Что же касается того, что «дорогу они знают», то Сер-Сер не ошибался. Они действительно с л и ш к о м х о р о ш о знали дорогу, чтобы ехать по ней без карты и рации.

– Нет! – сказал Нюкжин. – Одних я их не отпущу! Прием.

Бархатные нотки в голосе Сер-Сера исчезли.

– Неужели Вы думаете, что у меня только и забот, что о Вашем вездеходе? По-моему, я сказал ясно: отправьте его в Средне-Колымск! Как? Решайте сами! Прием!

Фокин не просто перекладывал свои заботы на Нюкжина. Он побуждал его на свой риск и страх нарушить правила техники безопасности, заставлял сделать то, что люди не обязаны были делать, не хотели делать. Однако, мог ли Нюкжин нарушить дисциплину субординации, отказаться выполнить приказ?

– Вас понял! – ответил он. – Конец связи.

– Конец связи! – сразу отсоединился Прохоров.

Нюкжин выключил рацию. Он не мог не выполнить приказ. Но, что? Он тоже должен заставить людей подчиниться?

– Вот такие пироги...

– Значит не поедете с нами? – спросил Виталий. В его голосе Нюкжину почудилось скрытое злорадство и тревога.

И Донилин и даже Кеша смотрели на него с выжиданием.

– Да Вы что? – Нюкжин потер пальцем подбородок. – Неужели думаете, отпущу Вас одних?.. Завтра отбурим. Отдохнем. Потом не спеша соберемся.

– А вертолет? – спросил Донилин. – Попадет от начальника.

– Не попадет! – сказал Нюкжин. – Без связи борт не пришлют. Они даже нашего местонахождения толком не знают... Ну, ладно! С этим покончено!

Ребята вышли из палатки и стало просторнее, светлее. Сдвинутые в угол сиротели дневники, карта, миллиметровка. На душе пакостно. Эх, Сер-Сер!.. Ты, конечно, не бог. Вечные проблемы с авиацией, запчастями, кадрами... Откуда взять техника-радиста? Но ведь знал, что радиста не будет, а обещал.

И тут он услышал, как Донилин, уже отойдя от палатки, сказал:

– А начальник у нас – Человек!

– Только разглядел? – спросил Кеша.

– Давно разглядел, – ответил Донилин. – Ты думаешь, почему я так вкальваю?

– Дело не в начальнике, – вступил голос Виталия. – Хороший ли он, плохой ли, только на нем ездят, а он нас понукает.

– Ну и зануда ты! – сказал Донилин с удивлением, но беззлобно.

– Никто нас не понукает, – добавил Кеша. – Можешь остаться.

– То есть, как «остаться»?

Нюкжину показалось, что голос Виталия даже взвизгнул на последнем слове.

– А вот так, – спокойно ответил Кеша. – Как Робинзон.

И они с Донилиным загоготали.

Парусиновая крыша хорошо экранировала звуки и каждое слово Нюкжин слышал, словно говорили рядом.

«Симпатичные ребята, – подумал он. – А Виталий действительно – зануда. Но ведь брюзжит, а дело делает. С этими ребятами можно работать...»

И до него вдруг дошло: «У Сер-Сера душа не болела за них! Не болела! Вот в чем суть!»

Да! Праздника на Дьяске не получилось. Значит просто отдых. И надо подготовиться к переходу, упаковать все, что на отправку в Зырянку, наметить контрольные пункты досмотра, чтобы и обратный путь был полезным.

«Ходом пойдем, – прикинул Нюкжин. – Если выйти пораньше, можно успеть за три дня. Конечно, без „ЧП“... Не будем загадывать...»

Утром он радировал, что выходит в Средне-Колымск всем составом, попросил Прохорова снять его со связи на четыре дня.

Прохоров дал согласие. День, как и предполагалось, прошел в сборах. Отбурили последнюю скважину. В четыре часа отужинали. Последний ужин на Дьяске.

Нюкжин неспешно пил чай. Понимал: обратный путь, хоть и скоротечный, но по проходимости еще сложнее. Медлил, словно собирался с духом и не мог собраться.

«Что ни говори, – думал он, – а возвращение в Средне-Колымск – сбой в работе. Не просто потеря времени, а сбой! Все с начала! И какие еще сюрпризы поджидают их в Средне-Колымске? Один Степан Донилин может сотворить такое, что трех Сер-Серов против него окажется мало!»

Посмотрел на Степана: ну, конечно! У того уже нос по ветру – запахло «родимой». Поднялся, расправил плечи: «Что засиживаться? Не в Академии наук!...» И Виталий: «Раньше отужинаем, раньше выедем!»

Он и Донилин сейчас как закадычные приятели: вода, дрова, костер – без напоминаний! И смотрят празднично!

Только Кеша не суетливый. Но и он словно прикидывает: что там впереди?

Вышли по «холодку», когда солнце стояло над горизонтом. Вездеход шел напористо, как танк. Покачивало на кочкарнике, потрескивал валежник, но чаще под гусеницами хлюпала вода. Казалось бы они шли знакомыми местами, пройденной дорогой. Но, нет! Ничего похожего! Там, где лежали болота, стояла вода. Там, где рос лес, раскинулись мари. Там, где тянулась их колея, текли ручьи.

Когда они ехали к Дьяске, колея оставалась сзади, они почти не видели ее. И грунт был еще мерзлым, прочным. А теперь он оттаял и колея стелилась перед ними пунктиром рваной искалеченной земли, напоминала: Да! Они прошли здесь! Но как безжалостно! На мерзлоте рванины зарастают не скоро! Ох, как нескоро!

А вездеход по-прежнему мчался на скорости по болотам, по кочкарнику, по созданным им самим водотокам. Виталий беспрекословно повиновался движению указующей руки. Его сосредоточенное лицо выражало неколебимое желание вырваться отсюда как можно скорее.

«А раньше смахивал на манекен», – неприязненно подумал Нюкжин, будто исключительно Виталий был повинен в том, что вездеход коверкал землю.

Ехали допоздна, не могли выбрать место для ночлега. Наконец, остановились. Развели костер. Поужинали. Палатки не ставили, заночевали как у Черного бугра. На следующий день проехали уже часа три, как вдруг сверху опустилась рука. Виталий остановил машину, словно наткнулся на стену.

– В чем дело? – высунулся Нюкжин.

– Яма! – Физиономия Донилина светилась радостной улыбкой. – Наша! Может искупаемся?

Действительно, там, сбоку, ниже бугра, который они пересекали, виднелась вдрызг развороченная земля и в самой середине – маленькое круглое озерко, вроде воронки, заполненной мутной буровато-желтой жижей.

Всего двести-триста метров в сторону.

– Шутки у тебя! – сказал Нюкжин.

Вид развороченной, истерзанной земли производил поистине удручающее впечатление.

– Вперед, Славяне!

Донилин командовал, как ни в чем ни бывало.

Вездеход снова заглохнул и рванулся, словно безнадежно опаздывал. И снова, часа через два, повелевающая рука остановила его.

Кеша сам свесился к дверце.

– Карабин! Скорее!

Нюкжин еще не успел до конца осмыслить в чем дело, как Кеша вытянул из кабины карабин. В кустах, сбоку от вездехода стояла горбоносая буро-рыжая сохатуха. Она без страха смотрела на машину, даже сделала шаг вперед, чтобы лучше рассмотреть диковину.

Люди уже давно приметили: животные не боялись вездехода. Скорее, он вызывал их любопытство. Не отпугивали даже запахи железа и бензина. А появление человека немедленно обращало их в бегство. А еще говорят – неразумные существа!

И сейчас, чуткая скотина, уловив подозрительное движение, попятилась и скрылась в кустарнике. Донилин «послал» ей вслед, а у Нюкжина настроение сразу улучшилось. Хоть тут они не согрешили. Сохатуха могла быть с детенышем. И охота на них весной запрещена. К тому же появление в Средне-Колымске с сохатыным мясом могло не остаться незамеченным. Егоров однажды заплатил штраф шестьсот рублей. Судился. Доказывал, что в экспедиции есть лицензия. Ничего не помогло.

– Может догоним? – в азарте, но без надежды спросил Кеша.

– Нет, – сказал Нюкжин. – Бензина в обрез. А купаться надо было в нашей луже.

Кеша намек понял.

– Поехали! – сказал он, успокаиваясь.

Вездеход вновь рванулся вперед, сначала по целине, а потом опять по колее, разбрызгивая воду, разрабатывая промоины. Колея выныривала из болот, вываливала из-за бугров и сте-

лилась,.. стелилась под гусеницы, жертвуя собой во имя нетронутых просторов. Но она и угрожала: «Я еще покажу Вам!.. Покажу!..»

И на третий день «случилось»! Вездеход шел по старому следу. Однако грунт сильно размок, а колею промыло настолько, что машина, в конце концов, оказалась на брюхе.

Вылезли. Размяли ноги. Осмотрелись.

– Ерунда! – сказал Кеша. – На полчаса работы.

По бортам вездехода держали притороченными два бревна, чтобы не бегать лишнего. Одно из них быстро отвязали, закрепили тросами, зацепили тросы за траки. Действовали споро. Во-первых, не в воде. Та, что хлюпает под ногами, не считается. Во-вторых, сноровка.

Но у Нюкжина уже четко обозначилась мысль: «Здесь надо работать на вертолете! Только на вертолете! Тогда и природа будет в сохранности, и охват бурением шире и проще.

Однако легко сказать: «на вертолете!» Где их взять, когда даже вездеход еще и по сей день считается у геолога великим благом. И все же, если смотреть вперед, то только вертолетом!

В восьмом часу вечера прошли мимо сарая на Черном бугре.

«Вот тебе и „здрате“! – подумал Нюкжин. – А полагал, что не увидимся».

Вскоре показался и Средне-Колымск. Виталий сбросил скорость, аккуратно провел машину по улице и вывел ее на берег Колымы. Река широко несла мутные воды, их уровень оставался еще высоким. У причала покачивался буксирный катер с баржонкой, у кромки реки лежали привязанные железными цепями лодки. По Колыме, преодолевая могучее течение, поднимались две самоходки: сухогруз и танкер. Они спешили по высокой воде из Черского в Зырянку.

Виталий привычно завел машину за ограду, во двор домика бакенщика, родственника Кешы, где она зимовала. Он еще только устанавливал вездеход, Кеша еще только поздоровался с хозяйкой – как раз к баньке – как Донилин сказал:

– Начальник! Что там, сзади?

– Где?

Нюкжин оглянулся, но ничего не увидел.

– Ну, как же! – настойчивость Донилина настораживала. – Там же б у т ы л к а стоит.

Кеша нагнул голову, пряча улыбку. Но Нюкжин понял: слово не воробей! Особенно слово начальника. Обещал – выполни! Хотя, конечно, обещать Степану бутылку не следовало.

А Донилин продолжал, словно речь шла о самом обычном.

– Банька, она что? Тело очищает. А тут внутри накопилось.

– Что накопилось-то? – поинтересовался Нюкжин.

– Накопилось! – убежденно повторил Донилин.

Нюкжин посмотрел на часы.

– Так закрыто сейчас.

– Я достану, – вступил Кеша.

Для него проблем не существовало. Он свой, местный.

Деться было некуда.

– Ну, обложили. Как медведя.

Нюкжин достал из нагрудного кармана деньги и протянул Кеше двадцать пять рублей.

– Возьмите коньяк.

– Ну его! Лучше беленькую! – вмешался Донилин. – Я с тобой пойду.

Степан и Кеша ушли. Да и что обсуждать с начальником? Его надо слушаться или не слушаться!

Виталий в разговоре не участвовал. Он казался странно задумчивым. Но, как только Донилин с Кочемасовым отошли, сказал:

– Иван Васильевич! Я работать дальше не буду.

– То есть, как? – удивился Нюкжин.

– Имею право! – не отводя взгляд, сказал Мерипов. – Голос его звучал упрямо, но спокойно. Чувствовалось, что все продумано и никакими доводами его не сдвинешь. – Вот заявление. За две недели, как положено. И потом, мне полагаются отгулы за сверхурочные... – и повторил упрямо: – Имею право!

– Но в Зырянке Вас ждут. Сорвется бурение! Вы подводите всю экспедицию!

Его глаза смотрели холодно, спокойно, без сочувствия. Чужие глаза.

Нюкжин умолк. С юридических позиций Мерипов был обескураживающе прав. И заявление об уходе за две недели! И отгулы за переработанное время. Ему нет дела, что законодательное положение о восьмичасовом рабочем дне совершенно не подходит к работе геологов. Ну кто при таком коротком полевом сезоне, да еще когда солнце светит все двадцать четыре часа в сутки, будет работать «от» и «до»? Кто прервет дальний маршрут на пол дороге, потому что истекло положенное время?! Они действительно работали без выходных и не по восемь, а по двенадцать и даже по четырнадцать часов. Но их торопила распутица. И кто знает, пройди они на неделю дольше, не нахлебались бы вдвое, втрое? Выбрались бы к Средне-Колымску? Но даже не в этом дело. Почему не сработать с полной отдачей? Почему не сделать больше, быстрее, если есть возможность и желание. А ведь они работали с желанием, никто их не заставлял. Донилин пробурил девятнадцать скважин, вместо двенадцати по плану. Это их общий успех. Они все испытывают удовольствие, как футбольная команда, выигравшая ответственный матч!

– Я не футболист! – ответил Мерипов.

Если бы Виталий сказал, что ему трудно, что здесь не то, о чем он мечтал, что ему не интересно, Нюкжин просто по-человечески мог бы его понять. Но Мерипов ничего такого не сказал. Он «имел право»! И точка! От его слов веяло таким безразличием, таким бездушием и бесчеловечностью, что говорить с ним не хотелось. Мерипов был сейчас не просто чужой, не просто несимпатичен. Он был враждебен ему, Нюкжину.

Но Мерипов расценил молчание начальника по своему: дело решенное, разговор окончен. Он повернулся и пошел прочь от Нюкжина, с которым еще час назад делил место в кабине вездехода.

Кочемасов и Донилин вернулись быстро. Поначалу Нюкжин подумал, что они ничего не достали, поскольку магазин все-таки закрыт. Но ничего подобного! За спиной Кеши горбился рюкзак. Донилин вытащил из карманов две бутылки и Кочемасов одну.

– Не много? – мрачно спросил Нюкжин.

– Еще не хватит, – пообещал Донилин.

Нюкжин покачал головой, но, как говорится, «поезд ушел»!

Кеша хозяйственно вынул из рюкзака буханку свежего хлеба, какие-то консервы и банку красных консервированных болгарских томатов, что само по себе уже выглядело роскошно. Из вездехода принесли мешок с остатками картошки. Двадцать килограммов картошки и пятнадцать килограммов репчатого лука Нюкжин вез с Большой Земли как деликатес, который расходовался очень экономно.

Картошка и томаты! И баня, деревенская, с паром... Настоящий праздник!

Подошла хозяйка. Она принесла замороженную нельму, на строганину, и сказала, что баня поспеет минут через десять. Донилин уже вертел в руках бутылку, но Нюкжин твердо распорядился:

– После бани!

– Ясно, что после, – Донилин таращил наивные глаза, но на губах Кеши появилась веселая улыбка.

– Чего лыбишься? – накинулся на него Степан. Сердился он, конечно, не на Кочемасова.

Виталий уже стоял со свертком чистого белья подмышкой.

– И то верно, – как ни в чем ни бывало сказал Кеша. – Выгребайте уголья, а я сейчас, тут в сарайчике венички березовые...

...Красные, распаренные, они сидели за столом. От вареной картошки поднимался пар. В миске истекали соком красные томаты. На широкой дощечке лежала нельма, нарубленная топором на большие куски. Топорцились открытыми крышками консервные банки. Кеша нарезал хлеб, свежий, мягкий, аппетитный.

Степан натренированным жестом отковырнул пробку и потянулся к Нюкжину, но тот отвел руку с бутылкой.

– Мне не надо.

– Обижает, начальник...

– Нет, Степан. Я к тебе всей душой. Пойми меня правильно.

– Я тоже воздержусь, – неожиданно сказал Кеша, хотя минутой раньше был непрочь разделить компанию с Донилиным.

– Во, дают!.. – удивился Степан и повернулся к Виталию. Но и тот прикрыл свой стакан.

– А ты? Не за рулем же?!

– Я не буду.

– Славяне! Посмотрите на него! – сказал Донилин в крайнем изумлении, словно Виталий был единственный, кто отказывался. – Ты, часом, не угорел в бане?

– Не угорел! – резко ответил Мерипов.

Нюкжин смотрел на него в упор. Он понимал, что сейчас не время и не место. Но то, что сказал ему Виталий холодными мурашками поднималось из глубины, просилось наружу.

Но его внимание отвлек Донилин.

– Что ж! Как говорится, один за всех...

И глядя, как он наполняет стакан до краев, Нюкжин подумал: нет, не остановить Степана!

А Донилин понял его взгляд по-своему.

– Как при коммунизме, – усмехнулся он. – Каждому по потребности.

– Это только часть формулы, – сказал Нюкжин.

– Знаю, – кивнул Донилин. – Другая часть: от каждого по способности. А мы что, разве не по способности?

– Да! – сказал Нюкжин. – Но и это еще не все.
– Что же еще? – удивился Степан. Его знания дальше формулы «способности-потребности» не распространялись.
– А еще, – сказал Нюкжин, – предусматривается высокая сознательность. Чтобы потребности не перевешивали способности.
– Ну, до такого мы не доживем, – убежденно сказал Степан.
– Столько пить будешь, конечно, не доживешь, – поддел его Кеша и все рассмеялись. Даже Донилин.
– Налито, а они разговоры разговаривают. Поехали, славяне!
– Не поехали, а приехали, – поправил его Нюкжин. – Стало быть с приездом и завершением работ. Большое всем спасибо! С вами я бы и весь полевой сезон отработал.
– С Вами и мы бы с удовольствием, – отозвался Кеша.
А Донилин опрокинул содержимое стакана в горло. Нюкжин не увидел, чтобы Степан сделал хотя бы глоток. И тем не менее, стакан он поставил на стол пустой. Затем взял кусок нельмы и стал жадно, вгрызаясь зубами, рвать сырое мороженное мясо рыбы.

Строганина

Как строганинка? – спросил Нюкжин.
– Отменно!
Донилин протянул Нюкжину большой кусок.
– Ты что невеселый? – Спросил Кеша Виталия.
– Так! – ответил Мерипов.
«Может быть на людях, – подумал Нюкжин, – Виталий возьмет свое заявление обратно?»
Мерипов смотрел в сторону. Пить он не хотел, ясно – могут быть инциденты. Но закуске отдавал должное.
– Не передумали? – спросил его Нюкжин.
В глазах Виталия стояла холодная готовность к драке. Нюкжин выдержал его взгляд. Тогда Виталий поднялся и молча вышел.
– Что он должен «передумать»? – требовательно, как командир, спросил Донилин.
– Что случилось, Иван Васильевич? – спросил и Кеша. Пауза и уход Мерипова обеспокоили и его.
– Да, ничего, Кеша. Ничего не случилось, – вздохнул Нюкжин и, неожиданно для себя, добавил: – Просто Мерипов подал заявление об увольнении.
Он впервые назвал одного из них по фамилии. Почти месяц они были для него «Степан», «Кеша» и «Виталий».
– Дерьмо, он! Дерьмо! – взорвался Донилин. – Я ж говорил: трухач!
Он там, на болоте, в штаны...

– Он же таксист! Глаза обмороженные! – неприязненно сказал Кеша.

– Мы для него разве товарищи? – бушевал Донилин. – Он тогда в лужу вмазал, почему? Его рублем промеж глаз шарахнули.

– Я пять лет на флоте отслужил, а его пять лет в институте учили.

– Место он занимал, а не учился.

Они ругали Мерипова, ругали всласть, от души, хотя, казалось бы, им вовсе нет дела – будет работать Мерипов или уйдет. И Нюкжин понимал – они сочувствуют ему, Нюкжину. Они на его стороне. Но он понимал также, что дело здесь не в рубле. Не только в рубле! Мерипов был «законником». Он хотел, чтобы все «жили правильно», но для себя делал исключение. Сам он считал возможным «если вкалывать, то за большие деньги», не замечая, что тем самым отрицает представления о правде и справедливости, соблюдения которых требует от других.

– А поначалу казался симпатичным, – вздохнул Нюкжин.

– Наружность обманчива, сказал ёж... – не замедлил прокомментировать Донилин.

И Кеша добавил, как бы утешая:

– Да не жалейте. Шабашник он, а не работник.

– Нет, – поправил его Нюкжин. – Он не шабашник. Он – бич!

– Ну, что Вы? – удивился Кеша. – Бич же пропащий человек. Тунеядец и алкаш. Непременно.

Их сочувствие успокаивало, возвращало уверенность в людях. А главное, конфликт притих.

– А Мерипов разве не пропащий? – уже спокойно, но грустно сказал Нюкжин. – Лишить себя радости труда, общения с людьми, с природой!.. Знаете, как расшифровывается слово бич для таких, как Мерипов?

– Не... – заинтересовался Донилин.

– По буквам: Бывший Интеллигентный Человек!

Нюкжин горько усмехнулся, стыдясь за интеллигентного человека, хотя и бывшего.

– Иван Васильевич! – вдруг сказал Кеша. – А Вы дадите мне рекомендацию? Осенью в члены будут принимать.

Даже Донилин затих от такого вопроса.

– Может и не надо за столом, но в другой раз я не насмелился бы... А мне лестно от Вас получить.

Не насмелился! Это Кочемасов, от одного взгляда которого Мерипов съехал тогда, с иконой, и пошел на попятную.

У Нюкжина от волнения перехватило голос.

– Кеша! Ну, конечно!...

– Значит, дадите. Спасибо! Я все думал – как спросить? А оно вон как! Просто! Нюкжин взял стакан Степана и плеснул символически себе на доньшко.

– За тех, – сказал он, – для кого высокий закон – надо! Кто не стремится купить счастье за рубль! Кто всегда рядом!.. За Вас!..

– Вперед, славяне! – обрадовался Донилин.

– Ты-то хоть не огорчай меня, – попросил Нюкжин.

– Я? – удивился Степан. – Ни за что!

Кеша посмотрел на них и тоже плеснул себе немного. И они чокнулись, словно клялись: все, что говорил Иван Васильевич, верно и незыблемо!

А утром Донилин пропал... Вышел в туалет и сгинул. И Нюкжин, одновременно с тревогой за него, ощутил и подобие раскаяния. Надо было удержать Степана вчера, а получилось, что они сообщники. Но легко сказать «удержать»!

Мерипов с утра молча привел вездеход в порядок, помыл его, почистил мотор. Он действовал буднично, словно и завтра будет делать то же самое, и послезавтра. Но глаза прятал,

не оставляя даже шанса на надежду. Кочемасов нашел старшину катера, договорился о переправке вездехода на барже в Зырянку. Неоценимый человек Кеша Кочемасов!

Днем Нюкжин отправил Сер-Серу телеграмму. Сообщил о прибытии, об аренде баржи, о том, что с отправкой вездехода лишается транспорта, не на чем будет привезти имущество на взлетную полосу. Просил срочно прислать вертолет.

И еще он сообщил о заявлении Мерилова – увольняется!.. Дописывая телеграмму, недобро подумал, что теперь его черед прибавить Фокину хлопот. В середине сезона достать вездеходчика, все равно, что зимой цветок из под снега. Ну, да Фокин вывернется!

Пошлет первого попавшегося. Нюкжин вспомнил молоденького шофера, разыскавшего его в то утро на берегу Ясачной, – конечно, его и пошлет! Хлебнуть придется и пареньку, и тем, кто с ним будет работать. Но, надо! Фокин, может быть, чаще других сталкивается с необходимостью не подкрепленной возможностями. Вот и сейчас: Нюкжин просит вертолет срочно! А где его взять?

Но Фокин ответил оперативно: «Борт завтра...»

И опять Нюкжин удивился – Что это? талант?... или случайность?... Или закономерность?!

На следующий день вездеход с утра подошел к летному полю, там, где оно подступало к берегу Колымы. Втроем – Кеша, Нюкжин и Мерилов – выгрузили часть имущества и образцы.

Наступила «мертвая» пауза. Катер еще не подчалил, вертолет не прилетел. Тревожно отсутствовал и Долинин.

Нюкжин хмурился. Он видел в Степане жертву войны и сочувствовал ему. Детство в оккупации. Голодное существование. Безотцовщина. До учебы ли? Выжить – вот главная проблема его детства. И он выжил. Но где-то задержался. И – водка! Она мешала нагнать упущенное, лишала человеческого достоинства.

Но даже в пьяном виде Донилин оставался для Нюкжина человеком. Он послал Кешу найти Степана.

– Пусть едет на катере. Перед Зырянкой ему лучше проветриться. А Вы полетите вертолетом.

Кеша покосился на Нюкжина – начальник брал на себя большую ответственность. Но ничего не сказал. Степану действительно необходимо проветриться. А Нюкжин подумал: по крайней мере образцы долетят с Кочемасовым в полном порядке.

Подчалил катер с баржой. Под команду старшины наладили деревянные мостки. Мерилов аккуратно завел машину на палубу и стал крепить тросами, чтобы не сползла при качке.

Кеша привел Степана. Нюкжин взглянул на него и вздрогнул. За какие-то сутки Донилин изменился до неузнаваемости. Рыжая щетина снова густой ржавчиной облепила щеки, губы, подбородок. Плечи опустились, словно никогда и не было в них работницкой силы. Глаза выпуклые, незрячие. И только походка... Кто не знал Донилина не сразу бы определил, что его вело не столько зрение, сколько инстинкт. Войдя в рубку, он сел на рундук, обвел все невидящими глазами, и, ни слова не говоря, завалился на бок, лицом к стенке. Заснул он, как показалось Нюкжину, раньше, чем голова коснулась ложа. «Очищенный» организм, видимо, очень даже хорошо способствовал сну.

Нюкжин попросил старшину катера:

– Пожалуйста, присмотрите за ним.

Старшина, мужчина уже в годах, стоял в дверях кубрика темным силуэтом. Лица его было не разглядеть, а сипловатый голос спокойно ответил:

– Бог бережет младенцев и пьяных, – но по виду Нюкжина определив, что ответ несколько не успокоил начальника, добавил:

– Присмотрим.

– Главное, чтобы не пил в дороге, – пояснил Кеша.

– Мы ходом пойдем, – сказал старшина, отодвигаясь в сторону и выпуская в кубрик Мерипова.

Виталий молча сел на рундук, напротив Степана. Всем своим видом он выражал свободу и независимость. Но в глаза не смотрел. Нюкжин чувствовал: Мерипову неуютно!

– Ну, бывай! – сказал Кеша старшине. – Я бы с тобой пошел. Соскучился по воде. Да вот, жизнь торопит. Полечу.

– Бывай... – сказал старшина и снова подвинулся, выпуская Кешу.

На Виталия Кеша даже не взглянул.

Нюкжин все же посчитал своим долгом попрощаться с Мериповым.

– До свидания, Виталий! – сказал он. – Спасибо за службу. Что было, то было. Теперь важно, что будет?! Подумайте. Может быть, отработаете сезон. Очень нужно. А на ребят не обижайтесь. Как Вы к ним, так и они к Вам.

– А что «я к ним»? – с обидой впервые подал голос Мерипов. – Я им ничего плохого...

– Нет, конечно... – согласился Нюкжин. – Но в нашем деле, да и в жизни вообще, человек не может в одиночку. Сами видели.

Мерипов опустил глаза и буркнул что-то неразборчивое. Нюкжину послышалось: на дураках воду возят!

– Ну, что ж, – сказал Нюкжин. – Имеете право. Только знаете, как сказал о Челкаше один умный критик? Он сказал: «Челкаш достиг свободы, потому что от всего освободился, – и стал никому не нужен».

Нюкжин подводил итог тому, не законченному в палатке разговору, втайне надеясь, что до Мерипова дойдет его слово. Хоть в последний момент. Но Мерипов молчал. Если жизнь не убедила его, то что могли сделать слова, даже если они сказаны умным критиком.

Старшина снова посторонился в дверях, выпуская Нюкжина.

– Счастливого Вам плавания!

– Благодарствую!

Они поднялись на палубу. Теперь Нюкжин мог хорошенько рассмотреть его. Лицо темное, кожа как дубленая и в морщинках. А глаза светлые, водянистые, видимо когда-то были голубыми.

– А на него плюньте, – сказал старшина. – Умный человек всегда найдет чему поучиться и у дурака, а дурак и от умного ни чему не научится.

Нюкжин покачал головой.

– Мерипов не дурак. Он просто смотрит не в ту сторону. Но живет он с нами на одной планете, на Луну его не спишешь.

И тут над высоким берегом, над родными болотами заурчало, застрекотало знакомое, ожидаемое!

– Борт! – с берега крикнул Кеша.

Он уже показывал руками куда надо приземлиться. Вертолет точно опустился около их имущества.

Нюкжин подбежал как раз, когда лопасти перестали вращаться.

Открылась дверца, высунулся борт-механик.

– Ваш груз?

– Наш.

– Сколько?

– Килограммов четыреста...

– Ну, давайте...

– Быстрее! – как обычно добавил пилот, выглядывая из окошка кабины. Но и после того, как Нюкжин и Кеша загрузились, пришлось ждать еще минут двадцать. Наконец, пыля через все летное поле, подкатил бензовоз. Баки дозаправили горючим, а пилотам передали большой мешок. Не пустой. Нюкжин подумал: «Рыба! Мороженая».

– По местам!..

Удивительное ощущение испытываешь, взлетая на вертолете. Только что ты стоял на земле и вот, без разгона, без разбега, без крыльев – ты в воздухе! Слово подвесили тебя на ниточке и поднимают все выше, выше. И оглушительный грохот над головой.

И пережив волнующее ощущение отрыва от земли, Нюкжин разглядел убегающие под колеса домики Средне-Колымска, широкую, бурюю гладь Колымы, зеленый вездеход на палубе маленькой баржонки... Но тут из под вертолета выскочил берег и стал оттеснять Колыму в сторону... В иллюминаторе показалась знакомая, родная Колымская низменность.

И Нюкжин не поверил! Внизу, на все четыре стороны, просматривалась черная, залитая водой, изрытая оспинами озер мокрая земля. Не просто мокрая, не просто земля, а грязная хлябь, где живому человеку не поставить ногу. Он разом вспомнил гипотезу, по которой мамонты тонули в оттаявших суглинках. Сейчас она показалась ему вполне правдоподобной.

Но по грязи, по черноте бугров с чахлой щетиной угнетенного низко рослого леса, тянулась отчетливая, местами разболтанная и повсеместно залитая водой, колея. Ими проложенная колея! Казалось невероятным! Невозможным! Доведись Нюкжину слетать на рекогносцировку, он напроць бы отказался перегонять вездеход. И никого не пустил бы!

«Ах, Сер-Сер! Ведь летал, видел. Как же у тебя повернулся язык посылатъ ребят вслепую? – подумал он, и, тут же, в оправдание: – Однако прошли! И без „ЧП“. А на месте сидеть, дорогу не выберешь...»

И еще Нюкжин подумал, что может быть как начальник Сер-Сер прав, но как человек...

Черная хлябь притягивала взгляд, волновала, будоражила мысли. Отсюда, сверху, загадка массовых захоронений выглядела простой, как игрушка. Потопа не было. Но в те далекие времена, когда равнина заболачивалась, все живое концентрировалось на отдельных холмах. А когда животные в поисках корма пытались перебраться с одного холма на другой – вязли в мокрых суглинках и погибали!

Да! То была хлябь! Непроходимая! Она и сейчас не лучше. Поросшие редким лесом мокрые бугры... Озера... Озера... Тучи комаров. И солнце. Оно не заходит... Оно бесконечно, как хлябь внизу, под вертолетом. Но люди прошли. На вездеходе! Не зря он называется в е з д е х о д! И свидетельством тому – колея!

Она тянется несмотря на сложности, вопреки невозможному.

«Да, мы прошли, – думал Ньюжин. – Прошли там, где тонули мамонты! „Близнецы“ в зеленых рубашках, такие малюсенькие по сравнению с этой вселенской хлябью».

К соседнему иллюминатору также неотрывно припал Кочемасов.

...А за горизонтом лежала Седёдема, по которой предстояло сплавиться на лодках. И сплавиться как можно скорее, пока вода в реке еще высокая.

=====

СЕРДОЛИКОВАЯ СТОЯНКА

Глава 1

По Седёдеме плыли тремя резиновыми лодками. Солнце кружило над головой, било в глаза, светило в затылок – река крутила, путала.

Иван Нюкжин сидел в первой лодке, на корме. До воды оставалось сантиметров двадцать, но со своего места он мог одновременно видеть каждую излучину и наблюдать за береговыми обрывами. Слои окаменевших лавовых потоков с включениями округлых «вулканических бомб» и прослоев пепла тянулись вдоль реки пестрой мозаичной лентой. Они изгибались, прерывались, вновь возникали, меняли цвет, размер, форму. А у кромки воды стелились галечниковые косы. Каждая начиналась широкой, приподнятой над водой насыпью и за изгибом реки выклинивалась, чтобы появиться вновь на другой стороне. Между ними лежали перекаты, которые сейчас, по высокой воде, только угадывались.

И все-таки на подходе к ним Нюкжин подсказывал:

– Левой... Левой...

Герасим Полешкин, получив команду, поворачивался. Обзор по носу загораживала Ася, повариха. Она сидела поверх груза и сама походила на куль, притороченный поверх брезента. Но, окинув взглядом перекат, Герасим удовлетворенно кивал: мол, теперь понятно... И налегал на весла, не выпуская из виду «трехсотку» с имуществом, которую они вели на буксире.

За «трехсоткой», на некотором удалении, плыла третья лодка, ее вел Андрей. Конечно, на такой реке как Седёдема рискованно доверять весла студенту. Тем более, что плыл он с сокурсницей Светланой. Она сидела в носовом отсеке, где Андрей оставил ей свободное место. Сесть на корму, подобно Нюкжину, она не решалась – страшно!

– Как они там? – иногда спрашивал Нюкжин.

– Детский сад!

Герасим пожимал плечами: мол, сам выбирал.

Да, Нюкжин взял их сам. Андрея, как имеющего опыт водного туризма; Светлану, как отличную чертежницу. Но присматривать за ними, на что намекал Полешкин, не мог. Его внимание привлекали береговые обрывы. Да и ничего особенного произойти не могло, они плыли спокойно.

За поворотом открылся очередной перекат. Нюкжин хотел подать очередную команду, как вдруг увидел сохатого. Тот стоял на косе, повернув голову в сторону лодки. Мощная грудь, мощная шея. Лишь рога молодые, не по габаритам владельца, им еще расти и расти. Сохатый невозмутимо смотрел, как из-за поворота выплывает что-то незнакомое, но не шевелился. Когда же лодка приблизилась, тронулся с места и ускоренным шагом затрусил вперед, к перекату.

Полешкин услышал шорох гальки, заметил, что Нюкжин заворуженно смотрит мимо, и обернулся. Увидев зверя, он бросил весла, вскочил и выдернул из-под сиденья карабин. Его лицо ожесточилось. Позабыв, что лодку несет на перекат, он выстрелил на вскидку, через голову Аси.

Лодка качнулась, а сохатый ускорил шаг. Но, вместо того, чтобы скрыться в зарослях тальника, по-прежнему бежал параллельно берегу. Полешкин выстрелил снова. Сохатый вздрогнул, но все-таки добежал до переката и стал пересекать реку вброд. Вода доходила ему до живота. Он напористо преодолевал течение, а лодка наплывала на него. А Полешкин стрелял – патрон за патроном, патрон за патроном.

– Герасим!

Полешкин обернулся. Глаза белые, безумные. Убить! Во что бы то ни стало!

Сохатый выбрался на противоположный берег и, не отряхиваясь, затрусил в чащу, припадая на переднюю ногу.

Лодку «трехсотку» занесло. От резкого толчка Герасим чуть не свалился. Но сбалансировал, чертыхаясь схватил весло и начал выгребать на перекат. В этот момент «трехсотка» догнала их, толкнула в корму и по дуге ушла вперед. Теперь Полешкин маневрировал веслами, выравнивая «трехсотку», она мчалась по перекату, тараня быстрые воды.

И снова отмель. Лодку с шорохом протащило по мелководью. Герасим соскочил в воду, оглянулся на кусты, что скрывали сохатого, и побежал по косе, на ходу вставляя в магазин новую обойму. А лодку повлекло по краю отмели, с шорохом царапая о галечник. Нюкжин выскочил и притормозил ее за бортовой канат, но «трехсотка» – она теперь оказалась впереди, – стягивала вниз по течению.

Пройдя перекат, причалил и Андрей, и теперь спешил Нюкжину на помощь. Вдвоем они удержали головной понтон у косы. За ним, совершив движение по дуге, прибилась к берегу и «трехсотка». Ее тоже вытащили до половины на галечник.

Тогда Андрей разогнулся.

– Попал? – спросил он возбужденно.

Только сейчас Нюкжин посмотрел на своего молодого помощника. Голова всклокоченная, взгляд взбудораженный, восторженный. Ну, как же?! Настоящая охота на дикого зверя! Он все видел собственными глазами.

Они пошли по косе. Мокрый след сохатого тянулся по галечнику, подсыхая прямо на глазах. Рядом темнели бурые пятна крови. Сбоку виднелись следы мокрых резиновых сапог.

– Ранен, – отметил Андрей. – И сильно.

– Плохо, – отозвался Нюкжин. – Может сгинуть. Ляжет в кустах и не поднимется.

Его тревожило и то, что Герасим опрометью кинулся в чащу. Раненый зверь очень опасен. В густом тальнике преимущество на его стороне. Он неподвижен, скрытен, а если двигается, то бесшумно. Нападает неожиданно. Если сойтись с ним вплотную, он способен задавить, растоптать человека.

Нюкжин досадовал. Охота не должна сопровождаться таким звериным азартом, нельзя подвергаться неоправданному риску.

Они вернулись к лодкам.

– Что там? – равнодушно спросила Светлана.

– Кровь, – хмуро ответил Нюкжин.

– Много крови, – уточнил Андрей радостно.

Светлана вздохнула.

– Никогда не думала, что это такая жестокость.

– Жестокость – закон тайги! – сказал Андрей тоном знатока.

«Что ты понимаешь в тайге?!» – подумал Нюкжин.

Он прислушивался: не донесется ли из чащи какой звук? Но чаща молчала.

Светлана и Ася прогуливались по косе, однако не отходя далеко. Главное, размять ноги! Ася чуть прихрамывала. Хромуша!

– Может, пойти ему навстречу? – предложил Андрей.

– Ну да! – сказал Нюкжин. – Чтобы он подстрелил Вас вместо сохатого.

Снова наступила настороженная тишина. Вода на перекате булькала, словно кто-то всхлипывал. Шелестела листва и, казалось, кто-то идет. В тайге всегда так: если вслушиваться в шорохи, будет казаться ни весть что.

Но вот из чащи послышался выстрел, за ним – второй! Значит зверь и человек встретились.

– Как у меня громынуло над головой, – вспомнила Ася. – Я аж обмерла вся...

Лучше бы не вспоминала. Качнись лодка сильнее, Герасим мог попасть и не в сохатого. Но поздно говорить о том, что уже произошло. Теперь оставалось сидеть и ждать – что будет?

Наконец ветки тальника раздвинулись и на косу вышел взбудораженный Полешкин. Лицо его светилось.

– Добил! – торжествующе объявил он.

– Зачем стрелял? – с укором спросил Нюкжин. – Полно рыбы, дичи,.. Зачем?

Полешкин смотрел не понимая.

– Что же было, упустить его?

– Мы теряем время.

Герасим промолчал, потом сказал, будто Нюкжин обращался вовсе не к нему:

– Андрей! Пойдем, поможешь принести.

Конечно, теперь надо разделать тушу, выбрать и принести мясо, принять меры к его сохранению. И как бы не хотелось продолжить маршрут, предстояло поставить лагерь.

Распаковали «трехсотку», достали топоры, ведра, рюкзаки, небольшой брезент, пустые мешки. Полешкин осмотрел все хозяйским взглядом, полез в кухонный ящик и достал брусок.

Обнажив охотничий нож, что висел у него на поясе, он стал оттачивать лезвие. Вслед за ним то же самое проделал Андрей.

Полешкин попробовал остроту лезвия на ноготь и удовлетворенно сунул нож в ножны.

– Пошли? – спросил он Андрея.

– Я с вами, – сказал Нюкжин. Командирские замашки Герасима раздражали, хотя его хозяйской хватке следовало отдать должное.

– А мне можно? – спросила Светлана, и трудно было определить, что побуждало ее – интерес или нежелание остаться на косе вдвоем с Асей?

Но и Асю оставлять, тем более одну, не следовало. Нюкжин на мгновение задумался, но Ася сказала:

– Идите. Я пока чайник согрею.

– Я ненадолго, – пообещал Нюкжин. – Посмотрю и вернусь.

Они углубились в заросли. Тальник стоял непроницаемой стеной. Только звериная стезжка пронизывала чащу. Полешкин шел первым, расчищая дорогу топором. Второй рукой он придерживал на плече карабин. За ним следовал Андрей с рюкзаком, заполненным мешками и брезентом. В руке он нес ведро, из которого торчала ручка второго топора, прижатого мешковиной. Светлана держалась за Андреем. Она шла налегке. Нюкжин замыкал шествие. На его долю груза тоже почти не осталось, так, полупустой рюкзак. И ружье.

Идти по тропке и то было сложно. Но вот, сохатый свернул с нее. Он ломился напрямую в самую гущу тальника. Поломанные ветки и кусты, шерсть на коре, пачкающая кровью листва. Зверь не выбирал дорогу, не таился. Только вглубь... вглубь... вглубь... И поскорее!

Но уйти далеко не хватило сил. Он слышал, как чудище приближалось к нему с треском и шорохом, повернулся рогами ему навстречу, но передние ноги подкосились сами собой. Он опустился на колени. Непонятная тяжесть запрокидывала на бок. А шум приближался, грозный, неумолимый, безжалостный... И вот они увидели друг друга.

– Он еще хрипел, – сказал Полешкин. – Пришлось добить.

Сохатый лежал безобразной, потерявшей пластичность тушей. Его голова зацепилась рогом за куст, отчего казалась приподнятой. Высунутый язык прикушен. Неподвижный глаз смотрел не мигая.

Полешкин сказал Андрею:

– Расчистим. А то не подойти.

Андрей достал второй топор и они стали вырубать кусты, вздымая тучи мошканы. Накомарники не спасали. Мошка лезла под сетку, забивалась в глаза, в нос, проникала в рукава и за воротник.

Нюкжин быстро соорудил три дымокура. Трудно поверить, но в дыму дышать стало легче.

Полешкин, тем временем, вскрыл сохатому брюхо и, подстелив брезент, вывалил на него внутренности. Отделил сердце, легкие, печень и положил в ведра. Остальное выбросил в кусты. Взглянул на Нюкжина, усмехнулся:

– Лисицы растащат.

С окровавленным ножом в окровавленной руке он выглядел живодером в дословном понимании этого термина – «дерет заживо»! Но действовал Полешкин сноровисто. Сделал надрез на задней ноге и сал обнажать ее, плавно и легко отделяя шкуру от мяса.

С передней ногой возился Андрей. У него нож уходил или глубоко в мякоть или, наоборот, рвал шкуру. И если у Герасима в крови были только нож и руки, то Андрей перепачкался с головы до ног.

«Как Зигфрид!» – подумал о нем Нюкжин, вспомнив легендарного Героя Германского эпоса, который искупался в крови дракона и стал неуязвимым для вражеских стрел. Но и у Зигфрида все-таки оказалось незащищенное пятнышко под лопаткой.

И без всякой видимой связи подумал о Светлане – вот оно, уязвимое место Андрея!

Нюкжин вспомнил, какой она предстала перед ним впервые. Миловидная, изящная, подчеркнута обрисованная модным брючным костюмом. А сейчас?... Мошка, похоже досаждала Светлане более чем кому-либо. Она забилась между дымокурами, согнулась, съежилась. Дым першил в горле, вызывая кашель. На окровавленную тушу сохатого она смотрела с брезгливым удивлением.

Светлана напомнила ему, что на реке у лодок осталась Ася.

– Я пойду, – сказал он и взялся за ведра.

Светлана встрепенулась.

– Я с Вами.

Тяжелые ведра оттягивали руки, ветки хлестали по лицу, цеплялись за накомарник – Нюкжин не мог их отвести. Он шел наклонив голову, словно тараня густую чащу. Не оборачиваясь он слышал, как следовала за ним Светлана. Она держалась за ним, как лодка на буксире, неотступно.

Ася сидела на берегу, пугливо вздрагивая при малейшем шорохе.

Дымил костер, над ним потихоньку коптился чайник.

Когда Нюкжин и Светлана вышли из кустов, Ася сразу заулыбалась, но сидевшее в ней беспокойство просилось наружу. Она выдала себя, сказав:

– Страшно... Как Вы там ходите, одни?

– Нюкжин поставил ведра на гальку и тоже улыбнулся:

Мы что... Вот Вы – смелая женщина! Променять городскую столовую на тайгу... Как Вы решились?

Сама не знаю, – сказала Ася. – Пришел Герасим Арсентьевич, стал уговаривать девчат – поедemте да поедemте. И заработок вдвое, и воздух чистый, и обслуживать всего пять человек. А девчонки в раздаточной молодые, лопушастые. Не успели вылупиться, уже румянятся, губы красят, волосы. Жизни не видели, а туда же... насмешничают... «Ася, тут тебя в экспедицию приглашают». И я вдруг подумала: «А что?.. Если возьмут?..»

– И не жалеете?

– Нет, что Вы! Там хуже. Шеф ругается каждый день, нецензурно. Плохо готовим! А как приготовить хорошо, когда продукты не по норме? А здесь, конечно, непривычно и страшно-вато, зато все по людски.

Припадая на левую ногу, она подошла к ящику с кухонной посудой, достала таз и стала выкладывать в него мясо. Потом пошла мыть его – молодая одинокая женщина, приниженная только потому, что с первых дней своего незадачливого детства ходила переваливаясь с боку на бок, как утица.

«Люди бессердечны и жестоки не только к природе, но и к самим себе...» – подумал Нюкжин.

– Хотите чаю? – спросила Светлана. Она достала сахар, хлеб, кружки. – Здесь ветерок. Благодарь!.. Как бы мошкара там наших не съела...

Нюкжин от чая отказался. Смутное чувство беспокойства не оставляло его. Нет, за Герасима и Андрея он уже не беспокоился. Тогда что?.. Задержка маршрута?..

Он пошел по берегу, разглядывая косу. Весенний паводок оставил много сучьев, коряг, даже стволы деревьев. Некоторые принесло прямо с корневищем. И большие и маленькие обломки, без коры, с белесой отполированной водой поверхностью были на удивление сухими, идеальными для костра.

Он подбирал небольшие обломки, складывал их в кучки. И наклоняясь за очередной чуркой, заметил, что одна из галек на косе поблескивает. Гольш величиной шесть-семь сантиметров, овальной формы ни чем не отличался от других галек, разве что грязно-молочным цветом поверхности. Но скол на самом краешке светился, как оранжево-красный глазок.

«Сердолик?! – подумал Нюкжин. – Любопытно!»

Он сунул гальку в карман куртки, как экзотическую находку, не более, и вновь занялся сбором дров. Их было в изобилии, и Нюкжин отметил, что крупные бревна можно распилить и обеспечить кухню дровами надолго.

Он уже думал, как поставить лагерь. Двум требованиям – вода и дрова – коса удовлетворяла. Однако, если уровень в реке поднимется, то убежать некуда.

«Вода падает, – подумал он. – Дождь не предвидится. По крайней мересутки переждать можно.»

Он оглядел косу по-хозяйски, прикинул, где встанут палатки, где расположится кухня. Посмотрел, что направо от лагеря, что налево...

Правый берег прятался в тени, но Нюкжин все же разглядел, что породы там сильно трещиноваты, красновато-бурые и в верхней части берегового обрыва похожи на глины с бордюром из полос зеленого и белесо-серого цвета. Так выглядели коры выветривания – продукт химического преобразования пород.

«Нет худа без добра, – подумал он. – А то проплыли бы ходом».

Чайник уже повторно выплеснул в огонь тонкую струю кипятка, когда Герасим и Андрей вышли из зарослей. Их плечи оттягивали объемистые рюкзаки и притороченные поверх мешки. Сквозь ткань проступала краснота. На Полешкине висел неизменный карабин, Андрей держал топор. Они шли медленно. Ноша совсем пригнула к земле коротконового Герасима и высокорослый Андрей, хотя и горбился, казался выше его на целую голову.

– Взяли, что могли, – доложил Герасим, сваливая с плеч тяжелый груз. – Хорошо бы еще раз сходить.

– Конечно, лучше забрать, – согласился Нюкжин. – Много там еще?

– Столько же, если не больше.

– Мы здесь постоим день-два, – сказал Нюкжин. – Тот берег надо посмотреть.

– Да? – глаза Герасима сузились в раздумье. – Тогда сейчас и сходим, пока мухи не засидели.

– Поешьте, – предложила Ася. – Через полчаса будет готово.

Они все здорово намаялись за день и огонь костра привлекал. В казане булькали макароны. На горячих углях шипела смазанная маслом сковородка, рядом, на дощечке лежали крупные куски вымытой печенки. Но Герасим сказал:

– На полный желудок много груза не поднимешь. А чайку выпьем.

Андрей с сожалением посмотрел на сковородку, но возражать не стал. Только оглянулся – как остальные?

Нюкжин думал так же как Герасим. Светлана в разговоре не участвовала, она зарисовывала привал. Ее внимание привлекли лишённые коры бревна, которые служили и за скамейку и за стол.

Тропинка, которой несколько раз прошли люди, приняла заметные очертания. Но место, где завалился сохатый, изменилось неузнаваемо. Посредине вырубленной в кустах полянки лежал обрубок туши. Шкура, голова, потроха валялись разбросанные по сторонам. Здесь же темнел мокрый окровавленный брезент, ненужные мешки.

Герасим сразу принялся за дело. Он мастерски отделил топором ребра, разрубил позвоночник. Нюкжин и Андрей отгаскивали куски. Мешки быстро наполнились, рюкзаки обретали объёмную форму.

– Ну вот, – сказал Полешкин, когда последний кусок оказался в мешке. – Теперь, кажется, все.

– Не все! – возразил Нюкжин. – Надо привести место в порядок.

– Зачем?

– Затем!

– Вас понял! – подчеркнуто на «Вы» отреагировал Полешкин, как если бы вел радиопереговоры. И поджал губы.

Нюкжин почувствовал, что высказался резко.

– Ты иди, – сказал он примирительно. – Мы с Андреем управимся.

Герасим постоял, подумал и ушел. Правда, мяса он взял столько, что аж крикнул, поднимая мешок.

– Давайте соберем остатки в кучу и хотя бы закидаем ветками, – предложил Нюкжин.

– Тент возьмем?

– Да. В реке за сутки отмокнет.

Нюкжин нагнулся свернуть тент, но Андрей опередил его.

– Я сделаю.

Они принялись за работу и вскоре на месте, где свалился сохатый, взгорбился небольшой зелёный холмик, наподобие могилки.

– Вот теперь все!

– Сохатому это без разницы.

Необходимость уборки в тайге видимо и у Андрея вызывала сомнение.

– Человек должен уважать себя, – наставительно сказал Нюкжин. – А вот так, разбросать и уйти может только зверь.

И поскольку ему показалось, что не убедил Андрея, добавил:

– Такая охота похожа на браконьерство.

– Возможно, – неуверенно согласился Андрей.

Они подняли каждый свою ношу и пошли к косе, чтобы сюда уже больше не возвращаться.

Полешкин и Светлана ставили женскую палатку. Герасим выбрал хорошее ровное место недалеко от кухни. Оттяжки он закреплял с одной стороны за сучья тяжелого бревна, с другой – за колышки, вбитые в песок. На кухне он уже успел соорудить постоянный вместительный очаг. Успел он и разгрузить лодки и вытащить их на галечник. Рядом, вразброс лежали мешки и ящики.

Большую палатку еще предстояло поставить, и все-таки Нюкжин испытывал чувство умиротворения. Грязная работа позади. Завтра они осмотрят правый берег и поплывут дальше. А сейчас...

– Можно подавать? – спросила Ася.

– Конечно!

Они расселись вокруг костра на бревнах и ящиках и заморожено следили, как Ася накладывала в мисочки печенку и макароны. Печенку она приготовила мастерски – сверху нежная корочка, а внутри сыринка с кровью. А к макаронам неведомая подлива.

– Самые витамины! – прокомментировал Герасим. – Мясо и рыба – овощи Заполярья.

Сохранение мяса обветриванием

Он говорил напыщенно и получалось не столько торжественно, сколько смешно. И щеки у него сейчас были как у хомяка, за ними ушей не видно.

Но и Нюкжин с аппетитом поедал печенку с макаронами, заправленными мучной и так же удивительно вкусной подливой.

Прямую конкуренцию им обоим оказывал Андрей. Он вообще слыл великолепным едоком.

– Жаль, кишки выбросили, – сказала Ася. – Я бы сделала ливерную колбасу.

– В другой раз, – пообещал Герасим.

– Я паштет сделаю, – размечталась Ася. – Печень сварю, проверну через мясорубку и смешаю со сливочным маслом.

– Не испортится? – спросил Нюкжин.

– Не допустим! – сказал Андрей с набитым ртом.

Все засмеялись.

– Растительным маслом залить, не испортится. – сказала Ася.

– А дома сейчас уже и картошечка молодая, и помидорки, и огурчики, – вспомнила Светлана.

– От картошки фигура полнится, – заметил Герасим.

Светлана повернулась к нему.

– Мне это не грозит.

– Пока... – подчеркнул Герасим.

Светлана ела все, кроме гречневой каши, но фигура у нее действительно оставалась на загляденье. Тонкая талия, высокая шея, длинные ноги, – все удивительно нестандартно и гармонично. И Светлана не упускала случая продемонстрировать, какая она стройная и изящная. Вот и сейчас – встала против солнца так, что фигура слилась в одном абрисе; села нога на ногу – смотрите сколько непринужденности; изогнулась руки в бок – вот какая я гибкая...

– Ветка, перестань!

Андрей даже положил недоеденный кусок печенки.

– А что?

Ее большие голубые глаза смотрели широко и наивно. Смешно топорщились две косички.

– Точно! – поддержал ее Герасим. Байство у нас упразднено.

Андрей промолчал. Дискуссии между ним и Герасимом быть не могло. Но его нареченной не мешало бы держаться скромнее.

– А на медведя не приходилось охотиться? – продолжала кокетничать Светлана. – Вот бы шкуру медвежью привести!

– Медведь зверь серьезный, – сказал Полешкин и задумался. – Было со мной однажды, на Алтае... Шел за маралом. Вижу, он за валуном укрылся, вроде траву там щиплет. Подкрался. Двухстволка жаканами заряжена. Жду, пусть только голову поднимет... Он и поднял... Медведь!.. Я выстрелил, в воздух, да как рванул... Опомнился, когда километра два пробежал...

Солнце клонилось к горизонту. Лучи косо скользили по галечнику, делали его рельефным, выпуклым. И то тут, то там галька поблескивала.

– А вообще-то, если встретим... – снова бодро пообещал Герасим. – Только летняя шкура плохая.

Галька поблескивала, привлекая внимание. Нюкжин поднялся.

– Поставите палатку? – спросил он. – Я пройду посмотрю кое-что.

– Конечно! – первым отозвался Андрей.

Нюкжин шел по косе. Сначала она казалась ему незрячей, безликой, одинаковой. Но вот глаз заметил первый желтый блесток.

Нюкжин присел на корточки, поднял обломок гальки, полупрозрачный, желтовато-оранжевый заиленный. Протер рукавом куртки. Обломок засиял, словно излучал тепло.

Все еще сидя на корточках Нюкжин посмотрел по сторонам. Блестело справа, блестело слева, блестело прямо... Сделал два шага, снова присел.

Теперь перед ним лежала галька, подобная гольшу, который он нашел первым. Только цвет на сколе был голубовато-серым.

Халцедон!

Третья находка оказалась совершенно великолепной – половинка небольшого валунчика вишнево-красного цвета, в белой «рубашке» «загара» выветривания. Великолепный экземпляр сердолика «крававика». Зрение адаптировалось. Нюкжин уже видел лишь блески, он словно очутился в царстве геологического прошлого. Ощущал содрогание земли. Видел, как она трескалась, как на ее поверхность вырывалась раскаленная магма, как стекал по долине красный огнедышащий поток. Потом остывал, медленно, долго. Поверхность подергивалась серой корочкой, а под ее покровом держался жар и в сложных физико-химических условиях, в пустотах газовых пузырей раскаленной магмы происходил таинственный процесс рождения благородного минерала. Обломки сердоликов, разбросанные по косе, нагретые солнцем, казалось, еще хранили тепло огнедышащей лавы. Даже когда все живое и неживое оцепенело во владениях вечной мерзлоты и полярной ночи, сердолик остался неподвластен холоду.

Нюкжиным овладел азарт, подобный охотничьему. Карманы куртки отяжелели и отвисли, руки тоже загрузили гальки. Он пожалел, что не взял с собой ведро или мешок.

Герасим и Андрей уже установили радиомачту. Высокий шест, подобранный тут же на косе, закрепили тремя оттяжками в вертикальном положении и обложили камнями. Его макушку оттягивала антенна, вторым концом привязанная за дальний куст тальника. Определив место и направление отвода, они теперь ставили «генеральскую» палатку-четырёхместку. В ней жили мужчины и размещались штаб отряда и рация.

Светлана набрасывала в альбом эскизы возникающего лагеря, но увидев, что начальник высыпает в ведро какую-то гальку, подошла и полюбопытствовала:

– Что это?

– Сейчас увидите, – пообещал Нюкжин.

Он дотащил отяжелевшее ведро до реки и погрузил в воду. Мокрые гальки «проявились», как фотоснимки в проявителе. Они выражали целый спектр красок и узоров – полосчатых, кольцевых, замысловато-кружевных.

Агат

Не в силах оторваться от их колдовских чар, он доставал из ведра обмытые гальки и рассматривал одну за другой. Руки заledenели, да и ноги в резиновых сапогах стыли. Тогда он разогнулся и увидел неподалеку второе ведро. Ася сложила в него оставшийся ливер и поставила в ледяную воду Седёдемы. А Герасим придавил тяжелым валунчиком, чтобы не снесло.

Два ведра, два подхода к жизни, два интереса.

Нюкжин слил часть воды и пошел к костру.

– Смотрите, – показал он. и снова начал перебирать гальки. – Вот сердоликовый агат. А это оникс... Это опал... А этот!

Желто-красен он словно весна,
Что тепло и цветы нам приносит.
И прозрачен он, словно слеза,
Что застыла на лютом морозе...

Оникс

В Светлане ожила восторженная душа художника. Она замерла над ведром.

– Изумительно!

Подошли Герасим и Андрей.

– Порядок! – сказал Герасим.

Он уселся на толстом бревне, как на завалинке, и сразу потянулся за чайником. А Андрей спросил:

– Что это у Вас?

– Клад, – сказал Нюкжин. – Посмотрите, на чем мы стоим.

Он высыпал гальку из ведра. Мокрые сердолики засветились всем своим разноцветьем, резко отделяясь от серой монотонной гальки косы.

Опал (кахолонг)

Андрей нагнулся, посмотрел одну гальку, другую, сказал задумчиво:

– Любопытно.

А Герасим неторопливо размешал сахар, сделал глоток. Потом выбрал гальку покрупнее, повертел в руках, рассматривая – что же в ней интересного? Затем хозяйственно выдернул из бревна топор и ударил обушком, обнажив кольцевой желто-розовый узор.

– Герасим! – вздрогнул Нюкжин.

– Камень... – пожал плечами Полешкин. – Что его жалеть?

– Посмотри, какую красоту испортил.

– От одного не убудет.

Нюкжин смотрел в равнодушные глаза Герасима, но видел, какими безумными они были, когда тот стрелял сохатого.

– Они что, драгоценные? – спросил Андрей.

– Полудрагоценные. Сердолик – это минерал группы халцедонов желто-оранжевой окраски.

– Кулоны из них можно делать или брошки, – заметил Герасим.

– Завтра отберем пробы на анализы, ящика два-три, – продолжил свою мысль Нюкжин.

– Лодки перегружены.

Герасим не вспомнил про перегруженные лодки, когда стрелял сохатого. Но он прав: они уже отобрали пять ящиков проб и образцов, теперь еще сердолики и образцы с пестрого обрыва. И мясо! Увести такой груз на трех лодках невозможно, хотя две из них отличные понтоны-«пятисотки».

– Придется ладить лабаз.

– Вертолет нужен, – подсказал Герасим.

– Хорошо бы...

– Я думал, лабазы устанавливают только в лесу, – удивился Андрей.

– То охотничьи, вроде высоких полатей. – сказал Полешкин.

– А здесь, типа колодезного сруба, – пояснил Нюкжин. – Его заваливают камнями, чтобы «дурная» вода не смыла. Поверх ящики. А к срубам – шест с флагом. В горы летают часто. На обратном пути могут завернуть на наш лабаз.

– Лучше бы они прилетели пока мы здесь, – снова подсказал Герасим.

– Лучше! Так ведь не прилетят.

– Может запросим? – Герасим взглянул на часы. – Еще нет восьми.

– Что ж, попробуем, – согласился Нюкжин.

«Генеральская» выглядела не обжито. Спальные мешки в чехлах, ящик с канцелярией, рюкзаки хотя и на своих местах, но не распакованы. А, главное, нет жилого человеческого тепла, которое сразу чувствуется, когда палатка простоит несколько дней. И сумеречно, не то, что на солнечной косе.

Пока Герасим подключал рацию и настраивался на нужную волну, Нюкжин набросал короткий текст. Сообщил, что на косе оставят лабаз с пробами. Запросил: возможен ли попут-

ный рейс завтра? Если «да», то пусть доставят хлеб, масло, пол мешка сахара и тарные ящики. Но ждать они не могут.

Герасим поймал волну базовой радиостанции и, выждав момент, послал в эфир свои позывные. Выслушал что-то и снова застучал ключом. Его лицо стало сосредоточенным и отрешенным.

Нюкжин не мог знать, о чем они переговариваются, но потому, как Герасим считывал текст радиограммы, догадался, что связь с базой установлена.

Но вот Полешкин переключил приемо-передатчик на микрофон.

– РСГТ! РСГТ! Здесь РЗПС! Как слышите? Прием!

– Здесь РСГТ! Слышу нормально, – ворвался в тишину палатки голос Прохорова. – Что у Вас еще? Прием.

– РСГТ! Небольшое уточнение. Мясную тушенку не надо. Категорически. Лучше новый комплект батарей. Прием.

«Какую тушенку? – подумал Нюкжин. – Мяса выше головы».

– РЗПС! Вас понял! – ответил Прохоров. – Постараемся. Завтра Главный собирается в Алазейские партии. У Вас есть что-нибудь для него?.. Прием.

– Конечно! – подсказал Нюкжин. – Кора выветривания!

– ..Кора выветривания, – повторил Полешкин.

– Тогда ждите, – пообещал Прохоров. – У меня все. Конец связи.

Полешкин выключил рацию.

– Про какую тушенку ты ему говорил? – спросил Нюкжин.

– Я?

– Ну да! «Мясную тушенку категорически не надо!» Они что, предлагали?

Герасим весело засмеялся.

– Нет, я намекнул, что у нас есть мясо. Он понял. – И убежденно добавил:

– Прилетят! За свежим мясом – обязательно!

Они вышли из палатки. Андрей сидел у костра и рассматривал сердолики. Он брал их по одному. Обмывал в ведре и поворачивал то на отсвет, то на просвет, старался разглядеть: что же там светится, внутри?

– Как уголья в костре, – сказал он. – Сверху оболочка, наподобие золы, а внутри красный жар.

– Где Светлана? – спросил Нюкжин.

– Отдыхает.

– Позовите ее, пожалуйста. Обстановка изменилась. Завтра ждем гостей. Так что сейчас все на отбор пробы.

Андрей направился к женской палатке, а Нюкжин вышел на берег. Он пытался рассмотреть обрыв, о котором так уверенно объявил: «Кора выветривания!» Но обрыв скрывался в тени. Поехать осмотреть его уже не было времени. Да и поздно – заявка сделана.

Ася мыла посуду. Нюкжин сказал:

– Завтра подъем на час пораньше.

Ася кивнула.

– Я как раз собиралась с утра хлеб печь.

Труд поварихи в геологическом отряде тяжелый. Вставай раньше всех, позже всех ложись. В любую погоду горы грязной посуды. Попробуй отмой, да не один раз.

– Хлеб, возможно, завтра привезут, – сказал он.

– Я уже завела.

Подождал Андрей. Через несколько минут вышла и Светлана, нехотя, вяло. Она уже успела вздремнуть. И не удивительно. День выдался насыщенный.

Сердоликовая коса

Нюкжин объяснил задачу: каждому по участку, собирать все подряд.

Развернутым веером они пошли навстречу солнцу. Коса искрилась, поблескивала, подмигивала. Предзакатное время оказалось для поисков наиболее удачным.

Андрей действовал азартно. Присядет, поднимет гольш, осмотрит, в мешок и скачком к другому. Он, наверняка, многое пропускал, но уже через полчаса мешок, куда он складывал сердолики, был наполнен доверху.

Показал. Все образцы отвечали требованиям кондиции. Крупные, монолитные, собранные в кучу они по-особенному удивляли размерами и большой площадью скола.

– Быстро Вы!

– Метод московского грибника: первым обежать делянку и похватать наиболее крупные.

Нюкжин улыбнулся.

– Проба пойдет на качественный анализ. Но, в принципе, это хищнический подход. Когда крупные образцы выбраны, разрабатывать россыпь уже не рентабельно.

– Учту! – сказал Андрей. – Сейчас пройду еще раз.

Светлана почти ничего не собрала. Она двигалась вяло, держалась в рост, пыталась разглядеть блески сердоликов сверху.

Нюкжин подошел помочь ей. Сам различал сердолики уже не только по блескам, но и по их рубашке. А Светлана ничего не видела, словно еще не проснулась.

И Нюкжин подумал: «Наружнюю красоту воспринимает остро, а скрытая ей невдомек»!

Герасим обследовал свою зону обстоятельно. Со стороны можно было подумать, что он разыскивает на галечнике чьи-то следы. Впрочем, так оно и было, только сам Герасим не догадывался, что идет по следу далекой геологической истории. Отобранные для пробы гальки и крупные обломки он складывал кучками, так что таскать с собой почти ничего не приходилось. И все же, к концу опробования в руках у него был почти наполненный пробный мешок.

– А там что? – спросил его Нюкжин.

– Мелочь всякая, – уклонился Герасим. – Я возьму ее себе.

Нюкжин возражать не стал, сердоликов оказалось не на одну, а на две, даже на три пробы.

– Утром подготовишь ящики к отправке, – сказал он Герасиму. – А мы съездим на тот берег, надо еще успеть осмотреть обрыв.

Он не был уверен, что вертолет прилетит, но знал: быть готовым к его прилету – надо!

Глава 2

Утро выдалось погожее, солнечное. Лодки с вечера оставили на берегу, у кромки воды. Теперь они отстояли от воды метра на полтора-два. Бечевник еще темнел не просохшей полосой.

«Вода падает, – подумал Нюкжин. – Пока лагерь на косе это не плохо».

Правый берег светился на солнце сердоликовым ониксом. Выгребая против течения Андрей подвел лодку к заветному обрыву. В нижней части обнажения щебенка еще хранила

серый цвет материнской породы, но мелкозем уже имел яркий красновато-малиновый оттенок. В верхней части преобладали глины кирпично-красные и ярко зеленые. Их перекрывали пески серо-желтые, белесые.

– Красные глины – собственно химическая кора выветривания. Выше располагаются продукты ее переотложения и речные наносы – консерванты. Внизу – зона дезинтеграции...

У обнажения

Нюкжин не столько объяснял Андрею, сколько сам для себя формулировал основные черты разреза. Находки кор выветривания в пределах Колымской низменности до сих пор еще не были известны.

Но обнажение оказалось сложнее, чем выглядело из лагеря. Он попросил Светлану:

– Зарисуйте, пожалуйста.

Донимало комарье. Прикрытая берегом от речного ветерка оно чувствовало себя вольготно. Руки зудели, чесались нос и шея. Нюкжин описывал породы, зарисовывал отдельные формы слоистости, показывал Андрею где и как отобрать образцы. Порой он говорил сам с собой. Андрей даже переспросил однажды:

– Вы что-то сказали?

– Это я с корой перешептываюсь, – пошутил Нюкжин.

– С корой?

– Ну да! Я ее спрашиваю: «Ты откуда?» А она шепчет: «Видишь?.. После бурной вулканической деятельности наступила эпоха длительного покоя. Меня жгло тропическое солнце, обмывали тропические ливни. Мой цвет от минералов железа, алюминия, титана...»

– Здорово она шепчет, – сказал Андрей. – Целый путеводитель вглубь веков.

– И в подземные кладовые... – Нюкжин отошел от обрыва, рассматривая, не пропустил ли чего? – Кажется успели.

Но если бы потребовалось оценить испытанное им удовлетворение, то измерять его пришлось бы не эталонами времени, а превосходными степенями радости. Еще вчера он смотрел на это пестрое экзотическое обнажение, как нечто загадочное, а сегодня оно открылось ему, как Сезам Али-Бабе из «Тысячи и одной ночи».

Светлана протянула ему рисунок.

– Хорошо?

– Более чем...

И замер. До слуха донесся стрекот мотора.

Прислушался и Андрей.

– Вертолет? – настороженно спросил он.

– Вертолет!

Они побежали к лодке. Андрей сунул рюкзак с пробами под сиденье и сразу взялся за весла. Как всегда задержалась Светлана.

– Скорей!

На стрежне их понесло и Андрей так налег на весла, что Нюкжину пришлось предупредить:

– Не порвите уключины.

Но железная громада все-таки обогнала их. Она появилась над долиной, развернулась в сторону лагеря и зависла, выбирая на косе место для приземления. Коса была ровная, но мешал плавник.

Пилоты выбрали место на ее дальнем от лагеря выположенном конце. Туда же течением относило и лодку. Андрей сильными рывками вывел ее на мелководе.

– Держите выше! – крикнул Нюкжин. – Перевернет...

Лодку сдувало воздушной струей от лопастей вертолета. Она никак не могла причалить. Нюкжин спрыгнул в воду и придержал ее за бортовой канат. Спрыгнула и Светлана. По косе спешили к ним Герасим и Ася.

Первым из вертолета выпрыгнул главный геолог экспедиции Андрей Федорович Луговой. Лицо его прикрывал широкополый накомарник, на ногах красовались высокие болотные сапоги с подвернутыми ботфортами. Молоток на длинной ручке он держал сбоку, как шпагу на перевязи. В общем он походил на странствующего рыцаря-инопланетянина и Светлана незамедлительно стала набрасывать в журнале горных выработок его экзотическую фигуру.

Приветственно подняв руку с молотком, Луговой сказал:

– Привет землянам! – словно и в самом деле только что прилетел из иных миров. И не задерживаясь спросил: – Рассказывайте, что у Вас?

Как только лопасти поумерили свое вращение, лодку удалось подтянуть к берегу и Нюкжин широким жестом показал на береговой обрыв. Там кирпично-красные, зеленые и белесые слои рисовались подобно гигантскому плакату: «Внимание! Клад!»

Луговой откинул сетку накомарника, разглядел радужный спектр обнажения, потом перевел взгляд на подоспевшую позже всех Асю. По случаю прибытия гостей она одела пестренькое платье с открытыми руками.

– А комары у Вас не водятся? – спросил он.

– Здесь ветерок. Они нас там под обрывом дожидаются.

– Тогда не будем терять времени, – сказал Луговой и направился к лодке, словно спешил именно на встречу с комарами. Но на полпути все же остановился и принялся бить молотком гальку. Он поднимал обломки, рассматривал их и отбрасывал в сторону. Нет, он не искал сердолики, он знакомился с породами, которые Седёдема выносила с верховий.

Тем временем из вертолета вышли пилоты.

– Как у Вас тут рыбка? – спросил Первый пилот, молодой, но не по годам тучный.

– Я покажу, – отозвался Герасим. – Вот отгрузимся...

– Саня! Помоги! – распорядился Первый.

Борт-механик, который еще и не выходил из вертолета, стал выбрасывать нехитрый груз: ящики-тару, мешок с хлебом, мешок с сахаром, продуктовые мешки поменьше.

Второй пилот, блондинистый и веснушчатый как озорной мальчишка, протянул Нюкжину пакет из желтой бумаги-крафт.

– Вам, – сказал он. – С базы.

Нюкжин передал пакет Герасиму.

– Разберись.

Он направился к Луговому, который, казалось, не очень торопился, настолько был занят галькой.

Как-только пакет оказался в руках у Полешкина, рядом возникла Светлана.

– Почта?

Герасим вскрыл пакет. Там были газеты, письма и накладные на прибывший груз.

– Иван Васильевич! – крикнул он.

Нюкжин задержался, взял письмо и сунул в карман. Он никогда не читал письма наспех. А Светлана выхватила адресованные ей шесть-семь конвертов и сразу же углубилась в чтение.

Но Луговой все-таки торопил с осмотром.

– Поплыли! – сказал он, как только Нюкжин подошел к нему.

Но тут же для проверки ткнул кулаком в поднятый нос «трехсотки».

Он не поддался.

– Я подкачал, – сказал Андрей. – Садитесь.

Луговой прошел, балансируя, в носовой сектор.

– Держитесь!

Андрей подвинул лодку на воду, сел и взялся за весла. Нюкжину оставалось столкнуть на воду корму, но задерживала Светлана. Она удобно устроилась на бревне и читала письма.

– Ветка! – крикнул Андрей. – Ты долго?

– Сейчас! – ответила она, не поворачивая головы.

Нюкжин и Луговой переглянулись. Андрей недовольно нахмурился, вылез из лодки, подошел к ней и повелительным жестом забрал письма.

– Отдай! – вскрикнула Светлана и вскочила.

Она даже топнула ногой, такая грозная и непреклонная, что Андрей растерялся. Он вернул письма и недоуменно сказал:

– Ехать надо. Тебя, что? Ждать будут?

– Я сейчас, – снова сказала Светлана и углубилась в чтение. Потом подняла на мгновение голову и выговорила Андрею, как неразумному: – Надо же ответы писать...

Андрей постоял возле нее, потом повернулся и пошел прочь.

Подойдя к лодке он только пожал плечами.

– Пусть! – улыбнулся Луговой. – У каждого свое дело.

Нюкжин столкнул лодку на воду и занял привычное место на корме. Андрей налег на весла. Правый берег приближался, смещаясь вверх по течению. Слева, почти параллельно лодке шли Первый пилот и Полешкин. В руках они держали спиннинги. Они шли спокойно и деловито, как на работу.

– Толик! – крикнул Андрей Федорович.

Крупногабаритный пилот, которому совсем не шло такое уменьшительное обращение, повернул голову.

– Не задерживайтесь! Мы не долго!

Толик кивнул с достоинством: мол, он знает, что делает и беспокоиться нечего.

Трое с лодкой и без собаки

Лодка зашуршала о галечник. Луговой спрыгнул на берег, на мгновение остановился, как гончая в стойке, разглядел пестро-цветной обрыв и ринулся к нему. Он был быстроног, сухощав и очень реактивен.

Нюкжин осматривал обнажение только что и, казалось, ничего не упустил. Однако Луговой находил все новые и новые пункты с его точки зрения очень интересные. Особенно привлекли его внимание зеленые глины.

– А это уже продукт ее первичного переотложения. – говорил он как-будто обрадовано. – Смотрите: глина полна обломков вулканических пород. И цвет водных метаалюмосиликатов марганца и железа... Очень... очень... – что «очень» он не договаривал.

С лихорадочной поспешностью он пробовал породу на ощупь и на вкус, раскатывал в ладонях глиняные колбаски, рассматривал в лупу мелкие включения, отбирал и отбирал образцы. Андрей и Нюкжин едва успевали конвертировать их и документировать.

– Очень любопытно, – наконец подвел итог Андрей Федорович. – Возможно, что суглинки Колымской низменности – продукт переотложения этой коры. Будете на крупных обрывах ниже по течению, посмотрите внимательно. И напишите статью, когда получите анализы.

– Давайте напишем вместе, – предложил Нюкжин.

– Не знаю... не знаю... – явно колеблясь сказал Луговой. Он был жаден до статей, но дорожил репутацией ученого и если не принимал участия в работе, то свою фамилию под статьей, как правило, не ставил. – Однако пора.

На обнажении

...В лагере их ждали. Гостеприимство – закон тайги. А если гость высокий, то и стол широкий. Составили ящики, накрыли их клеенкой. Миски, полные вяленой рыбой, вареным мясом, свежим хлебом. Экзотически высилась банка печеночного паштета.

– Недурственно устроились, – заметил Луговой.

– Мы не можем ждать милости от природы, – солидно отозвался Полешкин.

– Правильно! Природа сейчас сама нуждается в милости человека.

– Пообедаем?! – предложил Нюкжин.

– Нет! Нет! – Луговой заторопился. – Нас ждут.

– Отведайте, – мягко попросила Ася. – Я приготовила...

Андрей Федорович взглянул на Асю, на пилотов, которые делали вид, что им безразлично. Снова перевел взгляд на стол.

– Ну, хорошо! Отведаем. Только по быстрому.

И Ася начала священнодействие. На первое она подала мясной бульон, наваристый, заправленный домашней лапшой и луковой подливой. На второе последовали котлеты. На каждой уместился бы Светланин тапочек. Рисовая каша рассыпалась отдельными крупинками. Но когда Ася поставила на стол таз и сняла с него полотенце, все ахнули.

– Пирожки!

– С ливером, – подтвердила Ася.

– Да, – сказал Андрей Федорович. – Был смысл задержаться.

Со всех сторон к тазу потянулись руки и через несколько мгновений он опустел.

– Приготовила старуха пироги, – сказал Герасим. – Старик очистил сковороду и говорит: «Что ел, что не ел». А старуха ему: «Что готовила, что не готовила!».

Полевой таган

Легко смеяться на сытый желудок. И Андрей Федорович подобрел, не торопил. Когда Ася подала чай, спросил:

– Кофе у Вас есть?

– Нету... – как бы извиняясь сказала Ася.

– Сейчас я Вас угощу... Андрюша! Не в службу, а в дружбу.

Принеси мой рюкзак. Он там, в салоне.

Андрей направился к вертолету, а Андрей Федорович обернулся к Нюкжину и сказал, словно они и не говорили ни о чем другом, кроме как о коре выветривания.

– Обнажение хорошо бы сфотографировать.

– У нас есть зарисовка. – сказал Нюкжин. – Светлана! Покажите, пожалуйста!

Светлана принесла журнал горных выработок. Она уже успела переодеться и теперь сама выглядела как картинка – синие джинсы в обтяжку, цветные кеды, красная клетчатая рубашка-ковбойка с открытым воротом и подвернутыми рукавами. Но Луговой на нее не прореагировал, он внимательно рассматривал рисунок.

– Недурственно... Недурственно... Однако слишком художественно. Надо смотреть профессионально. – Он достал из нагрудного кармана толстый карандаш. – Вы не возражаете?..

Вот здесь мы подчеркнем границы слоев... Здесь усилим формы размыва, чтобы отличались от остальных границ... Гальку надо нарисовать чуть крупнее, неважно, что немасштабно. Главное, чтобы выделялась...

Он закончил корректуру и стал перелистывать страницы. На последней обложке разглядел свой портрет.

– О-о!.. Я вижу тут не только неживая природа!

Светлана скромно опустила глаза.

– Неужели я так выгляжу со стороны?.. А, впрочем, похоже. Очень даже! А что у Вас еще есть?

Светлана смутилась. Она не знала, как держать себя с таким человеком, как Андрей Федорович. Не получилось бы конфуза. Но Нюкжин подбодрил ее.

– Она у нас художница. Целый альбом зарисовала.

Светлана принесла тетрадь для рисования. Луговой перелистывал, пилоты заглядывали через его плечо.

Дольше других Луговой рассматривал портрет Нюкжина. Открытый лоб с залысинами. Лицо строгое, губы сжаты, взгляд куда-то мимо. А щеки и подбородок притемнены, видно, что не брился день или два. Сочетание задумчивости и небритости придавали лицу поразительную конкретность – Нюкжин в первую очередь думал о работе и только потом о себе.

Остальные рисунки Луговой перелистнул почти не задерживаясь: Полешкин у костра... у лодок... у рации... – маленький, собранный, хозяйственный и самодовольный; Андрей – с рюкзаком... с ружьем... на обнажении... фрагменты портрета. Главное – глаза. Они выражали два чувства: любопытство и влюбленность.

На последнем рисунке был изображен Второй пилот. Он явно позировал, но в его взгляде читалось нечто схожее со взглядом Андрея.

– Отменно! Просто отменно! Вы не ту профессию избрали! – похвалил Луговой.

Нюкжин знал его способность – смотреть мельком, но схватывать самую суть. И был доволен. А Андрей сердился. Светлана обнажала перед посторонними сокровенное, не только свое, но и его тоже. И уводя от альбома с рисунками, сказал:

– Я принес рюкзак. Тяжелый он у Вас.

Андрей не знал, что Главный возил с собой все дневники, используя каждую свободную минуту, чтобы перечитать их, сделать выписки, подготовить к публикации очередную статью.

Андрей Федорович покопался в рюкзаке и достал металлическую банку с импортной этикеткой и старинную ковшик-кофеварку на длинной ручке.

– Я сам сварю, – сказал он и пошел к костру. – Ася! Пожалуйста, приготовьте кружки.

Варить пришлось несколько порций, хотя кофе он разливал, словно украл, по чуть-чуть.

– Черный кофе пьют понемногу и маленькими глотками, – пояснял он. – Тогда чувствуется и вкус и аромат.

Его совету последовали лишь Нюкжин и Андрей. Остальные выпили черную ароматную жидкость если и не в один глоток, то в два.

– На один зуб, – пренебрежительно сказал Герасим.

– Ослиному уху и золотые серьги в тягость, – не замедлил отреагировать Луговой.

Герасим обиженно умолк. Главный, можно сказать, угощался его трудами, и вот – благодарность!

Обед заканчивался. Второй пилот и борт-механик поднялись и пошли готовить машину к вылету. Луговой укладывал в рюкзак кофеварку, которую Ася уже успела вымыть.

– Все в порядке? – спросил Нюкжин Герасима. За все время прилета гостей у них не выпало минутки, чтобы поговорить.

– Сахару прислали целый мешок, – буркнул Полешкин, словно Нюкжин обидел его своим вопросом, кривно.

– Мы же просили половину? – сказал Нюкжин вопросительно.

– Развесить не успели. Вот записка: «В связи с поздней заявкой посылаем продукты, приготовленные для другого отряда».

– Каждый лишний килограмм для нас в тягость, – подсадовал Нюкжин.

– Ничего! Мяса поубавилось! – утешил его Герасим. – Я часть отправил на базу. И пилотам дал.

«Раньше, когда поселков на Севере было по пальцам пересчитать, – подумал Нюкжин, – люди кормились охотой. Но теперь нет места, где бы не ступила нога человека. А источники снабжения прежние. Вот и редет животный мир. Скудеют рыбой воды...»

И словно в подтверждение его мысли Первый пилот подошел к реке и вытянул из воды веревочку с гирляндой крупных серебристых рыбин.

– Девять штук! – не без удовлетворения показал он.

Провожали гостей гурьбой. Долго пожимали руки, словно улетали близкие, родные люди. Но ведь так оно и было, по сути.

Лопасты закружили, ветер взметнул песок, заставил отвернуться. А когда воздушный вихрь утих, оказалось, что вертолет уже далеко. Он летел вверх по долине, набирая высоту и уменьшаясь в размерах. С косы люди смотрели ему вслед, словно осиротели. Ведь он уносил с собой частицу той шумной жизни, которая обычно олицетворяла столь необходимое людям общение.

Первой подала голос Светлана.

– Хорошо все-таки, когда людей много, – сказала она. – Веселее.

– А я бы в отшельники пошел, – возразил Полешкин. – По мне чем меньше людей, тем лучше.

– Что же мешает? – спросил Андрей.

– Удобства не те.

– Нет, – покачала головой Светлана. – В отшельники? Даже с удобствами...

– По моему нас вполне достаточно, – сказал Нюкжин. – Да и некогда скучать.

Вернулись к столу. Герасим отбросил лишние ящики, как ненужное напоминание.

– Кофе хорошо, а чай лучше, – сказал он, снимая чайник с огня. И, припомнив обиду, добавил: – Велика фигура, да дура!

Нюкжин спросил:

– А пословица к чему?

– Так... – уклончиво ответил Герасим. – Пословица на пословицу.

– И напрасно. Андрей Федорович не имел ввиду тебя обидеть.

– И я не имел... – упрямо ответил Герасим.

Нюкжин подумал, что заступаться за Лугового сложно. Тот, действительно, высказался с бездумной легкостью человека, которому многое дозволено.

И тут, как нельзя кстати, Андрей спросил:

– А пирожков не осталось?

– Неужели не наелся? – удивилась Светлана.

– Говорят: «Что мое, то мое. Но не мешает добавить к нему еще немного».

Ася хозяйственно прохромала к костру и принесла оттуда ведро до половины наполненное пирожками.

– Когда Вы все успели? – удивился Нюкжин.

– Полдня разве мало? – сказала Ася.

Андрей принялся за пирожки, словно и не обедал. Можно было позавидовать его аппетиту.

– А пилотам понравилось у нас, – сказала Светлана.

– Всем понравилось, – согласился Нюкжин.

– В поле самое главное – еда! – самоуверенно заявил Герасим. – А здесь мясо парное, и от пуза.

Он бы еще долго рассуждал о преимуществах полевой кухни, особенно, когда она обеспечена свежим мясом. Но Андрей вспомнил о Луговом.

– А здорово, все-таки, Андрей Федорович! Едва подошел к обрыву, все ему уже ясно.

– Без пяти минут академик! – отозвался Нюкжин.

– Все мы без «пяти минут»... – съязвил Герасим.

– Нет! Знаете, в чем разница между академиком и нами?

– В чем?

– Академик помнит, чему его учили в школе. А нам каждый раз приходится вспоминать старое.

– Тогда и я буду академиком, – сказал Андрей.

– Вот так! – засмеялся Герасим. – Простенько и со вкусом.

– А что? Я тоже помню все, чему учили в школе.

– Иван Васильевич! – напомнила о себе Светлана.

– А Вы не хотите стать академиком?

Нюкжин усмехнулся.

– Я же сказал – у меня память заурядная.

Вторжение людей из внешнего мира настроило на «мирские» воспоминания. Но мало-помалу возвращалось ощущение, что они снова одни, что работа продолжается, что завтра надо снимать лагерь с приветливой Сердоликовой косы и плыть дальше, в неизведанное. И они притихли. Каждый думал о своем.

И следующий день настал.

Легли на землю палатки, лишённые подпор. Убрались в чехлы спальные мешки. Лишь над костром еще висел чайник и суповая кастрюля, их освободят перед самым отъездом.

Полешкин и Андрей готовили лодки к отплытию. Не так просто загрузить резиновую лодку, особенно если поклажа изменила вес и объем. Герасим укладывал каждую вещь отдельно, выбирая для нее свое место и примеряя по несколько раз.

– Нет, не годится, – он отстранил поданный ему ящик. – Дай-ка, вон тот куль. Что там?

– Мясо.

Полешкин посмотрел на ополовиненный мешок, на Нюкжина, потом сказал: – Ну вот! Пора еще одного заваливать.

Сказано было слишком категорично. Того, что оставалось могло хватить надолго. Но что верно, то верно: присутствие гостей для запасов мяса оказалось чувствительным. Да! Все ели мясо, принимали его в дар, везли в поселок, – и никто !!! не спрашивал: как его добыли?

Наконец лодки осели под грузом. Пообедали. Суп, вареное мясо с макаронами, чай. Андрей еще намазал толстый ломоть хлеба печеночным паштетом.

– Последнее. Что каплю оставлять? – сказал он, как бы оправдываясь.

– Ешь, ешь... – подбодрил его Герасим. – Все меньше груза.

– Так он же сам становится тяжелей, – сказала Светлана.

– Ничего, зато лишнего места не занимает.

Они шутили. Обычное дело, когда все ладно.

– Готовы? – Спросил Нюкжин.

– Порядок!

– Тогда – по местам!

Полешкин, Ася и Светлана сели в лодки, Нюкжин и Андрей задерживались. Андрей ждал, когда первые лодки отплывут, полагалось держать определенную дистанцию. А Нюкжина задержало красное пятно под ногой. Сначала он подумал, что Ася мыла мясо и испачкала камень. Потом вспомнил, что кухня от лодок далековато, да и прибрежная полоса обсохла только ночью.

Агат

Он нагнулся. То был сердолик-кравик, прекрасный экземпляр с полуладонь. Нюкжин ополоснул его и поверхность высветилась сложным кольцевым узором.

«Вот так, – подумал Нюкжин. – Красоту ногами топчем». Но красота камня тревожила. Сердолик кровоточил в руке, как открытая рана. И Нюкжин вспомнил, как Полешкин вскрывал брюхо сохатого.

«Суть проблемы не в том, что человек добывает пропитание, а в том К А К он его добывает?!» – подумал он.

А Герасим, словно почувствовал, что о нем, спросил:

– Что там?

– Сердолик. Красивый.

– На других косах тоже будут.

– Вероятно. Но этот – памятный.

Нюкжин сунул находку в карман, столкнул лодку на воду и занял свое место на корме. Прощальным взглядом окинул берег. Да!

Прекрасная была жизнь на Сердоликовой косе. Природа воздала им за старое, за новое и за три года вперед! Но не слишком ли бездумно пользуется человек дарами Природы?

А солнце уже кружило над головой, било в глаза, светило в затылок, заходило сбоку – река крутила, путала, и он сосредоточился на маршруте.

По солнечной сердоликовой реке, вдоль солнечных сердоликовых кос они плыли к высоким обрывам в рыхлых породах, которые, по мнению Лугового, являлись продуктом переотложения коры выветривания. Но мнение это предстояло еще или утвердить, или опровергнуть.

=====

В КОГО МЕТИТ ПУЛЯ

Глава 1

В спальном мешке тепло и уютно. А дыхнешь в прорезь клапана, пар изо рта клубами. Лежать бы и лежать, пока солнце не обогреет палатку. Но тонкий писк морзянки проникал через верблюжью шерсть спальника, через куртку наброшенную поверх. Занудливо, как комар над ухом, он взывал к пробуждению.

«Пора!» – подумал Нюкжин и высунул голову. В палатке было не так темно и холодно. Справа, над рацией горела свеча, и Полешкин, из спального мешка, только высунув руку по локоть, отбивал непонятные «точки-тире». И в печке огонь уже набирал силу, потрескивая по сухим чуркам.

Народная мудрость подсказывала: «Спишь – спи, проснулся – вставай!».

Нюкжин распахнул клапан, сел и рывком натянул свитер, уложенный под бок, чтобы не выстыл за ночь. Потом взглянул налево. Там кулем спал Андрей, уйдя с головой в спальный мешок. Ни утренняя связь, ни подъем его не заботили.

Полешкин закончил свой перестук, снял наушники. Нюкжин вопросительно посмотрел на него.

– Пока ничего. Назначили выйти в десять ноль-ноль.

– Почему борт не пришел?

– Не хватило светлого времени.

– Много?

– Один час... Я посплю еще...

Рука Полешкина, а за ней и голова, исчезли в спальном мешке. Он превратился в такую же полуфантастическую фигуру, как и Андрей. А Нюкжин посидел еще немного, прислушиваясь к потрескиванию огня и собираясь с мыслями. Подумать было о чем. Полевой сезон закончился. Сентябрь подкрадывался к середине и столбик термометра опускался по ночам до -15. Эвакуировать отряд предполагали неделю назад. И погода стояла бездождная, и солнце, не яркое, но все-таки грело. Однако эвакуации ждал не один Нюкжин, а, по не писаному закону таежного братства, людей из горных районов эвакуировали в первую очередь. Там и погода переменчивее, и снег лег. А отряд Нюкжина вел работы на стыке Алазейских гор и Колымской низменности и мог подождать. Но позавчера начальник базовой станции Прохоров сообщил из Зырянки: «В горах занепогодило. Борт в плане к вам!» И утром вчера подтвердил: «Ждите!» А в 10—00, тот же Прохоров огорчил, уже в который раз: борт забрали на санрейс!

Да, если где-то беда, если человеку нужна срочная помощь, вертолет снимают с любого задания. Нет на Севере ничего более первоочередного, чем санрейс! Правда, Прохоров пообещал, что сразу по возвращении борт пойдет к ним. Полешкин каждые два часа выходил на связь и каждый раз Прохоров подтверждал: «Быть готовыми!..» Но вертолет так и не прилетел.

Не хватило одного часа светлого времени.

И вот, снова ожидание.

Интуиция и многолетний опыт подсказывали: вертолет не прилетит и сегодня.

Тепло концентрировалось под потолком палатки, Нюкжин почувствовал, голову уже греет. Тогда он быстро оделся, сунул ноги в сапоги и присел перед печкой. Пламя яростно тянуло в трубу и нижнее колено покраснело. Нюкжин пошевелил поленья и они осели. Он подложил несколько сухих чурок, взял куртку, задул свечу и вышел.

Небо, окрашенное в теплые желтые цвета на юго-востоке, в зените выглядело серым, бесцветным. Юго-западный угол неба загораживал высокий – 40—50 метров – обрывистый берег Седёдемы. В его уступе обнажался сложный комплекс рыхлых пород.

Нюкжин нарочно поставил лагерь у обрыва, чтобы составить его подробный послойный разрез. Хороший обрыв! Нужный! Работа на нем доставляла большое удовольствие. Особенно хорошо он смотрелся по утрам, когда восходящее солнце облучало его. Каждая полоска, каждый прослой на стенке обрыва выглядел, как высвеченный рентгеном. В свою очередь, обрыв отражал солнечный свет на лагерь, создавая по утрам бодрое рабочее настроение.

Палатки стояли на высокой надпойменной террасе. Неровная бугристая площадка отражала своенравный изменчивый характер реки. Но бурная и полноводная весной, Седёдема сейчас, осенью обмелела. Только на перекатах чувствовалось, что вода сочится, течет, движется. А выше и ниже, в темных, глубоких бочагах, она казалась неподвижной, как черный мрамор.

Левый берег, низкий, глинистый невыразительный, скрывался в буро-зеленых зарослях карликового кустарника. Местами желтели колки лиственниц. А за кустарником и за лиственничным угнетенным лесом поднималась сопка, ее вершина просматривалась из лагеря. У подножия сопки лежало круглое озеро, на котором кормилась пара лебедей. Несколько раз Нюкжин видел, как большие гордые птицы, неторопливо колыша белыми крыльями, устремлялись куда-то вдаль. Но всегда возвращались. Правда, с недавних пор летать стал один лебедь. Его подруга по непонятным причинам не показывалась.

Лагерь состоял из двух палаток и кухни. Большая четырехместная палатка, – «генеральская», как называл ее Андрей, – стояла на виду. В ней жили мужчины, стояла рация, днем камералили, вечером она служила «кают-компанией». Случалось и готовить в ней, когда прихватывали дожди. Вторая палатка – женская, двухместная, пряталась в зарослях тальника. Сейчас ее присутствие выдавала лишь струйка дыма. Там тоже топилась печка.

Кухня-столовая стояла между палатками, там, где терраса полого спускалась к реке. Под брезентовым навесом спрятались обеденный стол с двумя лавками и очаг – рогульки с поперечной жердью, на которую подвешивали казан, чайники, кастрюли, ведра с водой.

– Чтобы все, как у людей! – сказал Полешкин, когда они обустроивали лагерь.

Ася уже разожгла костер и теперь «колдовала» над кастрюлями. Движения ее рук, неторопливо размеренные, неукоснительно вершили важный процесс приготовления пищи.

Труд поварахи в геологическом отряде – тяжелый и неблагодарный. Вставай раньше всех, позже всех ложись, в любую погоду горы грязной посуды. Попробуй-ка отмой, да не один раз. И отношение к ее труду не всегда уважительное. Но не у Нюкжина. В своем отряде он четко определил отношение равенства между всеми, не делая исключения и для себя.

– Доброе утро! Помочь не надо?

– Доброе утро! – ответила Ася и взглянула на Нюкжина благодарными глазами.

– Не мерзнете ночью?

– Нет! Гера нам все подготовил, так что только затопить...

В ее словах чувствовалась женская признательность к Полешкину, который по примеру начальника относился к ней не только внимательно и корректно, но и практически обеспечивал

все удобства женского быта. А женщине в тайге, да еще осенью, да на холоде такая забота «дорогого стоит».

Припадая на левую ногу, она подошла к кухонному ящику, достала брикет плиточного чая и вернулась к костру. И в душе Нюкжина в который раз шевельнулась жалость к молодой – тридцать лет не возраст, – одинокой женщине, приниженной с детства бессердечными людьми только потому, что она родилась калекой: одна нога короче другой. С первых дней своего незадачливого детства, она ходила переваливаясь с боку на бок, как утица. И плечо у нее было одно выше, другое ниже. И сутулилась она так, что Нюкжину порою казалось, что Ася вдобавок ко всему еще и горбата.

Жалость пробуждала и мысль, что внимание Полешкина Ася принимала на свой счет, тогда как в палатке с ней жила Светлана, красивая студентка-практикантка. Правда у Светланы имелся «нареченный» – сокурсник по факультету Андрей, видный и неглупый парень. И смешно было бы Полешкину оказывать Светлане какие-либо знаки внимания открыто. Но то, что Ася ошибалась относительно Полешкина, Нюкжин мог бы побожиться, если бы верил в бога.

Однако, что верно, то верно: Асе не хватало самоутверждения. Что с того, что у нее одна нога короче? Гармония человека не только в геометрических пропорциях. Она, скорее, в характере человека. Вот у него, Нюкжина, подбородок тяжелый, бульдожий. Его и дразнили в школе «бульдогом», пока он не отгузил одного из дразнильчиков. А у Полешкина щеки как у хомяка, за ними ушей не видно. И ростом он не вышел. Зато руки золотые: и топором владеет, и мясо приготовит, и радист отменный, и хозяйственный, спроси, сразу скажет, где что лежит.

Между тем, лагерь пробуждался. Услышав голоса, вылезла из палатки Светлана. Потянулась: руки вверх, сцепленные пальцами, как на зарядке. Повернулась вправо,.. влево,.. демонстрируя тонкую девичью фигурку. Спросила:

– А мужчины еще спят?

Нюкжин хотел сказать, что «не все», но подумал: он не «мужчина», он – начальник!

– Лентяи! – заключила свою мысль Светлана. – А утро такое хорошее. Все проспят, ничего не увидят...

И поскольку Нюкжин не отреагировал, пошла умываться.

А Нюкжин отметил, что Светлана даже не поинтересовалась: будет сегодня борт или нет?.. Беззаботная молодость!

День окончательно вытеснил ночь. Как живая светилась стенка обрыва. Из палатки вылез Полешкин. Он окинул взглядом площадку, нашел, кого искал у реки и стал спускаться к воде, перебросив полотенце с одного плеча на другое, мол, я и шел умываться. Но, когда он спустился, Светлана тоже перебросила полотенце через плечо и направилась наверх, на площадку.

Полешкин остановил ее, масляно улыбаясь. Видимо он спросил:

«Как ночевалось?» Она, вероятно, ответила: «Спасибо! Все в порядке!» и пошла по тропинке к лагерю.

А Полешкин провожал ее взглядом и лицо его выражало недовольство.

Последним проснулся Андрей. Он вылез из палатки, когда все уже сидели за столом. Несмотря на прохладное утро, Андрей вышел повязав свитер на поясе. Бодро сделал несколько гимнастических движений, прогибов, совершил короткую пробежку на месте и легким пружинистым шагом сбежал к реке. Там он быстро ополоснулся студеной водой по пояс, растер кожу мохнатым полотенцем, затем натянул свитер и стал чистить зубы. Он принимал как нечто близкое, родное, органичное и солнечный воздух, и студеную воду, и поблекшую осеннюю зелень кустов, и свою молодость.

Ася постучала поварешкой о ведро, что означало: «Завтракать!»

– Бегу! – крикнул Андрей.

Ася наполняла миски и ставила их на стол. Полешкин разливал по кружкам чай.

– Опять каша... – вздохнула Светлана.

Да, последние дни пустая гречневая каша составляла основу их рациона.

Она и другим изрядно поднадоела, но Светлана вообще не ела гречку.

– А что бы тебе сейчас? – дружелюбно, но явно дразня ее, спросил Полешкин.

– Дома сейчас и картошечка, и помидорчики, и огурчики...

– И папа с мамой!

Полешкин добился своего, Светлана повернулась к нему.

– А что в том плохого?

– От картошки фигура портится.

– Мне это не грозит!

– Пока... – подчеркнул Полешкин.

Нельзя сказать, чтобы Светлана следила за своей фигурой. Она ела, что и все, спала, как и остальные, а иногда и больше, но фигура у нее оставалась на загляденье. Тонкая талия, длинные ноги, высокая шея – и все удивительно нестандартно гармонично. И Светлана никогда не упускала случая продемонстрировать какая она стройная и изящная. То встанет в дверях палатки, так что ее фигура сливалась в одном абрисе; то сядет нога на ногу – смотрите, сколько во мне непринужденности; то изогнется, руки в бок – вот какая я гибкая. И имя ее Андрей произносил в сокращенном виде: «Ветка», что очень соответствовало ей.

Андрей сидел рядом и неодобрительно прислушивался к шутливой перепалке между Светланой и Полешкиным. Ему не нравилось, что Полешкин отвлекает внимание Светланы. Он мог бы вмешаться, но подсознательно понимал, что капризная разборчивость Светланы сейчас не к месту. А разговор кончился сам собой. Полешкин посмотрел на часы, сказал:

– Пора на связь...

И сразу мысли о каше, как не было. Сейчас самое важное – что скажет Прохоров? Будет борт или нет?

Нюкжин тоже проследовал в палатку. За ним пришли Андрей и Светлана.

Прохоров вышел вовремя. Он работал микрофоном.

– РЗПС!.. РЗПС!.. Здесь РСГТ! Как слышите? Прием!

Связь была повторной, Прохоров вызывал только их, что могло означать: другие партии сегодня на вертолет не претендуют.

– РСГТ!.. РСГТ!.. Здесь РЗПС! – отозвался Полешкин. – Слышу хорошо. Какие новости? Прием!

Голос Прохорова: – Далеко Иван Васильевич? Прием!

Нюкжин взял телефонную трубку.

– Добрый день, Николай Петрович. Я слушаю. Прием.

Голос Прохорова: – Здравствуйте, Иван Васильевич! День не очень добрый. Не повезло Вам. У мотора кончился ресурс. Вызываем борт из Черского. Как поняли? Прием.

Порт Черский находился далеко, в устье Колымы. Там работал другой авиаотряд, распоряжение ему могли дать только из авиационного управления в Якутске.

– Вас понял, – ответил Нюкжин. – Но у нас кончились продукты,.. почти кончились. Прием.

Голос Прохорова: – Сколько протяните? Может быть организовать сброс? Прием!

– Может быть! – сказал Нюкжин. – Но лучше вытащить нас отсюда.

А протянем дня два. От силы – три. Прием!

– Вас понял, – заторопился Прохоров. – Иван Васильевич! Вы уж как-нибудь! Сделаем все возможное. Если не придет борт, ждите сброс. Обязательно! У меня все. Что у Вас? Прием!

Нюкжин передал телефонную трубку Полешкину. Тот ответил:

– У нас ничего нет. Конец связи!

– Конец связи, – ответил Прохоров.

Полешкин выключил рацию.

– Вот так! – сказал он. – Продукты сбросят. Срубим избушку, баню. Перезимуем!

– Шуточки у тебя... – хмуро сказал Нюкжин. – Давай лучше посмотрим, что у нас осталось. А то и впрямь сброс придется просить.

Они прошли на кухню. Пустые мешки из под крупы лежали аккуратной стопкой. Даже гречки, которой казалось нет конца, и то осталось два-три килограмма. Ящик из под макарон пустовал. Из под мясной тушенки – тоже.

– Я последнюю банку еще позавчера спустила, – сказала Ася.

– Последнюю надо было побережь, – задумчиво ответил Нюкжин.

Ася не приняла замечание на свой счет и правильно сделала. Они продолжали осмотр. Муки оставалось на одну выпечку, значит хлеба на четыре дня. Сливочное масло практически кончилось, но подсолнечное заполняло половину десятилитровой канистры. Чаю и сахару оказалось в достатке. Но исключительно потому, что прислали целый мешок, а не половину, как заказывал Нюкжин. Сослались на то, что некогда развешивать. Обычно все продукты, что оставались по окончании полевого сезона, «висели» на начальнике, с него вычитали их стоимость. Но сейчас лишний сахар оказался совсем не лишним. Последним извлекли мешочек с компотом, сухофрукты, на одну-две заварки, смотря как заваривать.

Они настолько настроились на скорую эвакуацию, что позволили себе расслабиться. Утратили чувство осторожности, чувство постоянной готовности к непредвиденному. Они – Нюкжин и Полешкин. Остальные, что? Как галчата, рот раскрывают, только дай!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.